

Р.Кудряшов

Игра в Историю

Книга 6.

Октябрьская революция и построение социализма

Том II

Первые пятилетки

Издательство

202_г

Роман Кудряшов

**Игра в Историю. Книга 6.
Октябрьская революция
и построение социализма.
Том II. Первые пятилетки**

«Автор»

2026

Кудряшов Р.

Игра в Историю. Книга 6. Октябрьская революция и построение социализма. Том II. Первые пятилетки / Р. Кудряшов — «Автор», 2026

Начало XX века, противоречия между европейскими государствами нарастают. Они объединяются в союзы и начинают готовиться к неизбежной войне. Террористический акт в Сараево даёт повод к войне, которая быстро распространяется по миру, захватывая новые страны и колонии. Россия как могла оттягивала своё вступление в вооружённое противостояние, но..., воевать пришлось. О том, как развивались события в 1914 году, рассказывается в очередном томе Игры в Историю, который вы держите в руках.

Содержание

Программа развития страны. План ГОЭЛРО	5
Внутрипартийная борьба после смерти В.И.Ленина	9
Курс на индустриализацию. XIV съезд ВКП (б)	23
Курс на коллективизацию сельского хозяйства. XV съезд ВКП(б)	30
Первая пятилетка (1928 – 1932 г.)	35
Две статьи И.В.Сталина: «Год великого перелома» и «Головокружение от успехов»	43
Голод в СССР 1932 – 1933 годов и его причины	49
Борьба с церковью и религией	52
Борьба с неграмотностью	65
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Роман Кудряшов

Игра в Историю. Книга 6. Октябрьская революция и построение социализма.

Том II. Первые пятилетки

Программа развития страны. План ГОЭЛРО

Рис. 1. В.И.Ленин делает доклад о плане ГОЭЛРО

1920 г. Только что под натиском Красной гвардии Белая армия оставила кубанские земли и перебралась к генералу Врангелю в хорошо защищённый Крым. Прокатившаяся от «тайги до британских морей» и обратно Гражданская война оставила страну в полной разрухе. Политика «Военного коммунизма» показала, что коммунизм вот так, с наскоку не построишь. Нужно запустить заводы, насытить страну товарами, поднять сельское хозяйство, и, самое главное – вырастить человека новой формации.

Новый курс хозяйственной политики партии пришлось вырабатывать в напряженной борьбе против фракционных группировок в партии. В.И.Ленин, учитывая совершённые в прошлом ошибки, выработал план поэтапного восстановления страны, но не все товарищи понимали и принимали план вождя. В тяжёлой внутрипартийной борьбе пришлось В.И.Ленину отстаивать своё мнение, а затем приступить к непосредственному руководству работой по воплощению единственно правильного курса на построение социализма. Сохраняя при этом единство партии.

Троцкисты и другие оппозиционеры выступали против превращения ГОЭЛРО в единую общеплановую комиссию. В дни дискуссии потребовались необычайное мужество и решительность для отражения наскоков антипартийных групп.

18 февраля 1920 г. на заседании Совета Труда и Оборона решение о создании общеплановой комиссии не было принято. Стенограмма на заседании не велась. Сохранились лишь краткие записи прений, сделанные Лениным, и его заметки для заключительного слова. Судя по этим заметкам и статье «О едином хозяйственном плане», против создания общеплановой комиссии выступали Ю.Ларин, В.П.Милютин, Н.Осинский и А.И.Рыков. Обсуждение этого вопроса было перенесено в Совнаркоме, и все-таки, по заданию и под руководством В.И.Ленина Государственная комиссия по электрификации России стала разрабатывать План ГОЭЛРО –

первый единый государственный перспективный план развития народного хозяйства Советской республики на основе электрификации страны.

План ГОЭЛРО совпал с настроениями и ожиданиями значительной части населения, стал действительно своевременным политическим вектором к переменам в российской жизни. К разработке плана было привлечено свыше 200 отечественных деятелей науки и техники. Среди них И.Г.Александров, Г.О.Графтио, А.Г.Коган, К.А.Круг, Б.И.Угримов, М.А.Шателен и др. Возглавлял комиссию Г.М.Кржижановский.

ЦК Коммунистической партии и лично В. И. Ленин повседневно направляли работу комиссии ГОЭЛРО, определяли основные принципиальные положения плана электрификации страны. К концу 1920 года комиссия проделала огромную работу и подготовила «План электрификации РСФСР» – том в 650 стр. текста с картами и схемами электрификации районов. Ленинское правительство было первым в России, поставившим перед собой подобную задачу. Осуществление плана казалось трудновыполнимым в условиях послевоенной разрухи и политической изоляции СССР. Герберт Уэллс, писатель-фантаст, посещавший Россию в годы Гражданской войны, после личной беседы с Лениным о будущем России и об электрификации в частности назовет его «Кремлёвским мечтателем». План ГОЭЛРО казался ему просто фантастическим и в реальность его Уэллс не верил.

Государственный план электрификации России был принят по инициативе В.И.Ленина, на VIII съезде Советов в декабре 1920 г. С большим подъёмом Владимир Ильич говорил на съезде Советов о необходимости создания экономического фундамента социализма, об электрификации России, о плане ГОЭЛРО – первого перспективного народнохозяйственного плана Советского государства. Ленин указывал, что основной задачей деятельности партии и всех трудящихся должна быть борьба за выполнение плана электрификации страны. План ГОЭЛРО, рассчитанный на 10 – 15 лет, представлял собой широкую программу коренной реконструкции всей экономики страны.

Владимир Ильич Ленин не ограничился только постановкой общей перспективы экономического строительства, а конкретизировал ее. План электрификации Ленин назвал второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства, великим хозяйственным планом. Без электрификации, говорил Ленин, поднять промышленность невозможно. Пока Россия будет оставаться отсталой мелкокрестьянской страной, экономическая база в ней будет более прочная для капитализма, чем для коммунизма. Раскрывая программу электрификации России, Владимир Ильич выдвинул очень важное положение о том, что осуществление плана электрификации, успешное строительство социализма в Советской стране будет иметь огромное международное значение и явится примером для народов других стран, вставших на путь социализма. *«Если Россия покроется густой сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии».*

Одновременно на протяжении 1920-х гг. Советская власть создавала ряд институтов, фундамент под которые подвела деятельность комиссии ГОЭЛРО и которые способствовали ее осуществлению. В июне 1921 года Комиссию ГОЭЛРО упразднили, а на ее основе создали Государственную общеплановую комиссию – Госплан, руководивший с этого времени всей экономикой страны в течение долгих десятилетий. Реализации ГОЭЛРО способствовали: Конституция 1924 г., Центральный исполнительный комитет СССР (верховный орган власти), Совет народных комиссаров (правительство страны), общесоюзные, республиканские, объединенные народные комиссариаты (органы отраслевого управления), Совет Труда и Оборона (СТО), который координировал хозяйственную деятельность наркоматов при выполнении единого хозяйственного плана. Учреждалась Государственная общеплановая комиссия и плановые комиссии при наркоматах.

Именно эти вновь созданные институты сделали возможным создание достаточно успешной государственной централизованной экономики. План ГОЭЛРО имел введение, и из шесть глав:

- А. Электрификация и план государственного хозяйства;
- Б. Электрификация и топливоснабжение;
- В. Электрификация и водная энергия;
- Г. Электрификация и сельское хозяйство;
- Д. Электрификация и транспорт;
- Е. Электрификация и промышленность.

Введение стало итогом тех наработок, которые были сделаны специалистами еще до революции. План также включал Пояснительную записку к схематической карте электрификации России, общую опись материалов комиссии и записки об электрификации районов: Центрально-промышленного, Южного, Приволжского, Уральского, Кавказского, Туркестанского, Западной Сибири. Обращает на себя внимание тот комплексный подход к электрификации, который применялся впервые и который давал шансы развития всем территориям, вошедшим в состав страны Советов.

План ГОЭЛРО предусматривал строительство 30 районных электрических станций (20 ТЭС и 10 ГЭС) общей мощностью 1,75 млн. квт. В числе прочих намечалось построить Штеровскую, Каширскую, Горьковскую, Шатурскую и Челябинскую районные тепловые электростанции, а также ГЭС – Нижегородскую, Волховскую, Днепровскую, две станции на реке Свирь и др. В рамках проекта было проведено экономическое районирование, выделен транспортно-энергетический каркас территории страны. Предусматривались коренная реконструкция на базе электрификации всех отраслей народного хозяйства страны и преимущественно рост тяжелой промышленности, рациональное размещение промышленности по всей территории страны.

ГОЭЛРО был планом развития не одной энергетики, а всей экономики. В нем предусматривалось строительство предприятий, обеспечивающих эти стройки всем необходимым, а также опережающее развитие электроэнергетики. И все это привязывалось к планам развития территорий. Советское правительство поощряло инициативу частных в выполнении ГОЭЛРО. Те, кто занимался электрификацией, могли рассчитывать на налоговые льготы и кредиты от государства.

В.И. Ленин подчёркивал абсолютную необходимость и огромную роль единого государственного плана, его директивный характер, требовал строго научной обоснованности планов, систематической проверки их исполнения, сочетания текущих и перспективных планов. По мысли Владимира Ильича, планы народного хозяйства должны разрабатываться так, чтобы они вдохновляли и организовывали трудящихся на борьбу за достижение больших и смелых целей. Составление и выполнение плана ГОЭЛРО стали возможным и исключительно благодаря сочетанию многих объективных и субъективных факторов: немалого промышленно-экономического потенциала дореволюционной России, высокого уровня российской научно-технической школы, сосредоточения в одних руках всей экономической и политической власти, ее силы и воли, а также традиционного соборно-общинного менталитета народа.

План ГОЭЛРО и его реализация доказали высокую эффективность системы государственного планирования в условиях жестко централизованной власти и предопределили развитие этой системы на долгие десятилетия. План ГОЭЛРО в основном был перевыполнен к 1931. Выработка электроэнергии в 1932 году по сравнению с 1913 годом (пик развития в дореволюционной России) увеличилась почти в 7 раз: с 2 до 13,5 млрд кВт·ч. План ГОЭЛРО был перевыполнен по добыче угля, нефти, торфа, железной и марганцевой руды, производству чугуна и стали.

Первенец плана ГОЭЛРО – Волховская ГЭС, которая функционирует и поныне. Торжественный пуск Волховской ГЭС, строительство которой возглавлял Г.О.Графтио, состоялось 19 декабря 1926 года, а полной проектной мощности (58 МВт) Волховская ГЭС достигла в 1927 году. Одновременно со станцией были сданы в эксплуатацию линия электропередачи напряжением 110 кВ протяженностью 130 км, главная понизительная подстанция 35/10 кВ, пять вторичных подстанций 35/6 кВ, а также кабельное кольцо напряжением 35 кВ общей протяженностью 71,6 км. Таких темпов, как реализация плана ГОЭЛРО, не знала ни одна страна мира. По производству электроэнергии и установленной мощности электростанций в 1935 году СССР вышел на второе место в Европе, а построенная в эти годы Днепропетровская гидроэлектростанция мощностью 560 МВт была самой мощной в Европе. Вместо запроектированных 1750 кВт новых мощностей ввели в эксплуатацию 2560 кВт, а производство электроэнергии только за один последний год увеличилось почти вдвое. К концу же пятнадцатилетнего срока в 1935 году – советская энергетика вышла на уровень мировых стандартов и заняла третье место в мире после США и Германии. Проект электрификации положил основу индустриализации в России. Наиболее ярко успех выполнения плана проявлялся в постепенном исключении импортных поставок оборудования за счёт роста энергомашиностроения в этой отрасли. Если в 1923 году завод «Электросила» изготовил всего четыре первых гидрогенератора мощностью по 7,5 МВт для Волховской ГЭС, то к середине 30-х годов в СССР функционировали столь крупные предприятия, как «Электрозавод» и «Динамо» (Москва), «Красный котельщик» (Таганрог), Турбогенераторный завод имени С.М.Кирова (Харьков). И начиная с 1934 года, в импорте оборудования для энергостроения СССР уже не нуждался.

План ГОЭЛРО сыграл в жизни нашей страны огромную роль: без него вряд ли удалось бы вывести СССР в столь короткие сроки в число самых развитых в промышленном отношении стран мира. Реализация этого плана сформировала, по сути дела, всю отечественную экономику и до сих пор в значительной мере ее определяет.

Внутрипартийная борьба после смерти В.И.Ленина

Рис. 2. XIV съезд ВКП(б)

После октября 1917г. партия большевиков как известно ликвидировала все оппозиционные партии и превратилась в единственную политическую силу, определяющую все политические и хозяйственные решения новой страны. Но это авторитарное «переустройство» не было одномоментным. Завершившимся его можно считать лишь ко времени XVI съезда (1930 г.). XIV же съезд в этом аспекте представляется рубежным. На нем еще существовала возможность для меньшинства, не согласного с большинством, отстаивать свои позиции со съездовской трибуны. Хотя делать это приходилось уже в обстановке нередко возникавшей в зале атмосферы нетерпимости в виде нарочитого шума, враждебных реплик, провокационных вопросов и т.п.

Большевики вообще-то никогда не отличались особой толерантностью, стремлением к соблюдению демократических процедур. В.И.Ленин и в дореволюционный период скорее терпел демократические порядки в собственной партии, чем сознательно их культивировал. Но до захвата этой партией власти в России внутрипартийный демократизм, пусть неполный, урезанный, был до известной степени объективно неизбежным. Приходилось руководству выслушивать упреки в свой адрес, считаться с многообразием мнений, ибо иных рычагов воздействия на слушников, кроме пропагандистско-полемических и партийно-организационных, не имелось. Можно было критиковать этих слушников на съездах, пленумах ЦК и даже их решительно осуждать, лишая поддержки партийной верхушки, но не более того. До исключения дело, как правило, не доходило, так как постоянно ощущался дефицит «профессиональных революционеров» (царская охранка не дремала и регулярно «изымала из обращения» подобные таланты).

Оказавшись у государственного кормила, верхи большевистской партии получили возможность использования против несогласных, в том числе и в собственных рядах, также таких «эффективных» рычагов, как дозирование материальных и иных номенклатурных благ, даже полное лишение оных, применение к уклонявшимся от «генеральной линии» государственно-политического насилия: перемещение на низовую работу - нередко с высылкой в окраинные районы страны, административный надзор, наконец, лишение партбилета, последующий арест, комедия суда и лагерная изоляция, если вообще не «высшая мера социальной защиты».

Овладение всеми упомянутыми и иными рычагами государственной власти было периодом стремления большевистских «рулевых» 150-миллионного народа превратить партию в начальствующий над этим народом «орден меченосцев», в аппарат беспрекословной реализации на всех уровнях воли новоявленных коммунистических идеологов. Какое-либо инакомыслие неизбежно приходило в противоречие с указанным стремлением, внутрипартийная демократия становилась все более излишней. Вот как раз время проведения XIV съезда было для его делегатов своего рода распутием, когда каждому из них пришлось определяться по вопросу демократических порядков, когда выбор здесь имел еще смысл, а смертельный маховик внутрипартийного ostrакизма и государственного насилия против всех несогласных в чем-либо с политикой руководства во главе с И.В.Сталиным не раскрутился – он придет в движение чуть позднее, ко времени следующего, XV съезда (1927 г.) и сделает антидемократизм нормой жизни в партии и стране.

Приходится, правда, в связи со сказанным признать, что еще возможный на XIV съезде выбор был сделан в кругах партийно-государственной номенклатуры (а именно ее представители обладали большинством делегатских мандатов) отнюдь не в пользу упрочения демократических порядков. Это, кстати, многое предопределило в преддверии очередного XV съезда: как бы ни объединялись за межсъездовский период оппоненты сталинских властей, не имея массовой поддержки в указанных кругах, они ничего уже сделать не могли и подверглись на упомянутом съезде процедуре организационного «отсечения» (термин Сталина), т.е. исключения из партии с последующим лишением всех высоких государственных постов.

Не вдаваясь в данной связи в рассуждения, чья политика оказалась бы для нашего народа более полезной – сталинской ли фракции, или поверженных оппозиционеров, заметим только, что любому сейчас ясен полный провал ленинско-сталинского курса на строительство социализма с преимущественным использованием принудительно-административных методов. Курса, который с незначительными коррективами проводился советскими коммунистами вплоть до краха и КПСС, и СССР в конце 1991 года (В конце 90-х (1985 – 1989 гг.) партии, на фоне нарастающего товарного дефицита, следовало снова вернуться к хозяйственному курсу, поощряющему частную инициативу товаропроизводителей, но под строгим партийным контролем). Можно предположить, что вряд ли мы добились бы всеобщего социалистического благоденствия под руководством также других верных ленинцев – Н.И.Бухарина с А.И.Рыковым и М.П.Томским, Л.Б.Каменева с Г.Е.Зиновьевым или Л.Д.Троцкого.

Но вернемся к XIV съезду. Именно в то время приобрела популярность в партийных кругах немудрящая сентенция, что, дескать, дело надо делать, на какое поставили, а не дискуссии разводить. Подобная начальственная сентенция очень даже прижилась в среде так называемого ленинского призыва, пополнившего ряды партии. По данным Отчета ЦК, с 1 апреля 1924 г. по 1 ноября 1925 г. количество членов РКП и кандидатов выросло с 446 тыс. до 1 млн. 25 тыс. Иными словами, за полтора года численность выросла в 2,3 раза.

Столь лавинообразный количественный рост шел, естественно, в ущерб качественным показателям: применительно к рассматриваемой проблеме дело обстояло так, что большая часть новых партийцев не обращала на проблему демократии никакого внимания, а, примкнув к правящей клике, рассчитывала, говоря словами популярного литературного персонажа деда Щукаря, *«какая мне выйдет должность и прочее...»*.

Из всех обращавшихся на XIV съезде к проблеме внутрипартийной демократии и, как оказалось, безуспешно призывавших делегатов осознать серьезность этой проблемы, хотелось бы назвать прежде всего члена политбюро ЦК РКП(б), председателя Совета труда и обороны СССР Каменева. Он выступил на данном партийном форуме в качестве одного из лидеров ленинградской делегации, противопоставившей свои позиции сталинско-бухаринскому блоку. Эти лидеры, обнародовавшие соответствующее заявление, получили название «четверки», которую составили Зиновьев, Каменев, Н.К.Крупская и Г.Я.Сокольников. Так вот в своей речи

на съезде Каменев говорил о значительном изменении обстановки в стране за пять лет реализации новой экономической политики. *«Вы, – заявил он делегатам, – должны будете разрешить этот вопрос в том смысле, что на фоне всеобщего оживления, повышения активности всех слоев населения необходима внутрипартийная демократия, необходимо ее дальнейшее развитие. Согласно завету Ленина, она стала теперь возможна именно потому, что прекратилось деклассирование пролетариата. В противном случае на этом фоне вы неизбежно получите новое конвульсивное сжатие внутрипартийной жизни. Это будет явлением катастрофического порядка».*

Съезд, однако, не внял предостережениям Каменева и других участников новой оппозиции. Подобное название для ленинградцев исходило от сталинско-бухаринского большинства, озабоченного не нахождением точек соприкосновения со своими критиками, а осуждением меньшинства и принципиальным дистанцированием от него. *«Когда вы нас называете «новая оппозиция», когда вы нас объявляете фракцией, группировкой, когда вы пытаетесь провести то же самое противопоставление ленинградского партаппарата ленинградской партмассе, что применялось в дискуссии 1923 г. (т.е. в борьбе с троцкистской оппозицией), – говорил на съезде главный редактор «Ленинградской правды» Г. И. Сафаров, – то это очень мало похоже на действительный метод сплочения ленинцев».* Большинство делегатов не видело никакой опасности в перетекании власти от выборных органов к гос- и партаппарату, в возвышении вождя аппаратчиков Сталина. Идеолог тогдашнего съездовского большинства, член политбюро ЦК РКП(б), главный редактор «Правды» Бухарин, умолчав о ленинских предупреждениях насчет бюрократической враждебности гос- и партаппарата интересам рабочих и всех трудящихся, бросает фразу, что *«наш госаппарат – это широкая организация класса».* К.Е.Ворошилов (член ЦК и нарком по военным и морским делам), задавая съезду вопрос, почему Сталин действует успешнее, чем другие партийные руководители, тут же и отвечает на него: *«А дело заключается в том, что у тов. Сталина...имеется в руках аппарат, и он может им действовать, двигать, передвигать и проч.».* Убеждая делегатов, что без Сталина и созданного им исполнительного аппарата партия никак не сможет обойтись и что тезис об антидемократичности этого аппарата имеет по преимуществу спекулятивный характер, Ворошилов в заключение подчеркнул: *«Поэтому товарищи, которые думают, что можно... руководить партией по-иному, можно изменить руководство, – предаются совершенно пустым и вредным мечтам».*

Утверждая это, Ворошилов имел в виду прежде всего речь Каменева. Последний, указывая на опасные, антидемократические тенденции в партийной жизни тех лет, решился на столь жесткий антисталинский выпад, какого ни до, ни после никогда больше при жизни «отца народов» не бывало. *«Мы, – заявил Каменев, – против того, чтобы создавать теорию «вождя», мы против того, чтобы делать «вождя»... Именно потому, что я неоднократно говорил это т. Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю на съезде: я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба».* Сталинские соратники буквально набросились на Каменева. *«Тов. Каменев, – негодовал член оргбюро ЦК А.А.Андреев, – в начале своей речи рассыпался, говоря, что надо вести на съезде дискуссию, спор и прения по высокопринципиальному направлению, а дальше, в конце своей речи, съехал на совершенно другое. Как же это вяжется? Два часа мочалкой водил по принципиальным вопросам, а потом съехал на диктатуру тов. Сталина. Это насмешка над съездом, издевательство, извините за выражение... За всем этим, – заключил он, – кроется нежелание признать растущий авторитет тов. Сталина, который является генеральным секретарем».*

Ворошилов внес в светлую поэму о генеральном секретаре свой оригинальный вклад. *«Тов. Сталину, – вещал он со съездовской трибуны, – очевидно, уже природой или роком суждено формулировать вопросы несколько более удачно, чем какому-либо другому члену Полит-*

бюро. Тов. Сталин является –я это утверждаю –главным членом Политбюро, однако, никогда не претендующим на первенство, в разрешении вопросов он принимает наиболее активное участие, и его предложения чаще проходят, чем чьи-либо другие. Причем предложения эти принимаются единогласно». Не отстал от Ворошилова и другой номенклатурный барон из сталинского «ближнего круга» В.В.Куйбышев. Будучи председателем Центральной Контрольной Комиссии РКП, он в своей речи вообще выразил возмущение, что на съезде *«дозволяется одной личности придавать отрицательное значение и нападать на нее и причину всего партийного кризиса сводить к тому, что эта личность является генеральным секретарем».* Затем, по его словам, *«на основании действительного опыта, действительного знания нашего руководства»* Куйбышев от имени ЦКК заявил о том, что *«это руководство и этот генеральный секретарь нашей партии являются тем, что нужно для партии, чтобы идти от победы к победе».*

Стоит упомянуть и о выступлении члена политбюро ЦК РКП(б), председателя Совнаркома СССР Рыкова, который на слова Каменева о генсеке как неподходящей фигуре для дальнейшей дружной работы ЦК и его органов отозвался тоже отрицательно, но все же не в такой верноподданической форме, как представители сталинского окружения. Он заметил, что общепартийный интерес *«заключается в том, чтобы Сталина, Зиновьева, Рыкова, Каменева и всех нас запрячь в одну запряжку»*, а вот новая оппозиция *«выставляет условия, которые являются унижительными для партии. Я бы хотел, –продолжал Рыков, – чтобы установилось полное сознание у оппозиции, так же как и у всех членов партии, что на такие требования партия идти не может, никогда и ни перед кем, ни перед Сталиным, ни перед Каменевым, ни перед кем-либо другим партия на коленях не стояла и не станет».* Самокритично стремясь лишить партийный ареопаг ореола исключительности, Рыков подчеркнул, что сейчас *«партия имеет крупнейшие кадры, выросшие в период революции, имеющие громадный творческий опыт. Теперь у партии не может быть непреодолимых трудностей в том отношении, чтобы в случае надобности она не могла обойтись и делать свое дело без любого из нас».*

Что же, золотые слова, но вот вовремя ли они были сказаны? Сдается, что запоздали... Конечно, в 1925 г. сталинская фракция в РКП(б) пока нуждалась в союзниках, чтобы обеспечить за собой большинство, а ее лидер не достиг еще властного «единоличия» (термин Каменева), хотя три четверти нелегкого пути к этому были уже, пожалуй, преодолены. А коли так, то бесследно подобная властная метаморфоза пройти для партии никак не могла: последняя, фигурально выражаясь, уже стояла перед своим номенклатурным «авторитетом» в весьма неудобном, согбенном положении. А несколько позднее и вовсе опустилась перед ним на колени.

Одна из основных причин такой унижительной эволюции – большевистское пренебрежение к демократическим процедурам во внутрипартийной жизни. Существовало оно, как уже упоминалось, и при Ленине, который, слыша иногда в своей среде о пользе этих процедур, именовал подобные речи не иначе, как *«безграничной теоретической нелепостью»*, *«тупоумием»*, *«ходячими мелкобуржуазными представлениями».* Не менее категоричны были и его правоверные наследники. На XIII съезде (1924 г.), например, кандидат в члены политбюро ЦК РКП(б) Я.Э.Рудзутак утверждал, что *«создание символа веры из демократизма - это настоящая меньшевистская отрыжка».* На XIV съезде другой ленинский последователь Томский (член политбюро ЦК, председатель президиума ВЦСПС) тоже весьма пренебрежительно отозвался о *«старых, всем известных лозунгах свободы мнений, свободы дискуссий, свободы оттенков»*, призывами к которым будто бы и исчерпывается идейный багаж новой оппозиции. А такого рода лозунги, по его словам, есть как раз то, что *«мы называем разложением ленинской партии».*

Не оставил сомнений в своей позиции на сей счет и Сталин. Реагируя на критику со стороны ленинградской делегации, что в предсъездовский период некоторые статьи «четверки»,

в том числе Крупской, были запрещены к публикации, он заявил: *«Теперь нас хотят запугать словом «запрещение». Но это пустяки, товарищи. Мы не либералы. Для нас интересы партии выше формального демократизма... И почему бы не запретить к печатанию статьи тов. Крупской, если этого требуют от нас интересы единства партии? А чем, собственно, отличается тов. Крупская от всякого другого ответственного товарища? Не думаете ли вы, что интересы отдельных товарищей должны быть поставлены выше интересов партии и ее единства? Разве товарищам из оппозиции неизвестно, что для нас, большевиков, формальный демократизм - пустышка, а реальные интересы партии – все?»*.

Показательно, что секретарь ЦК РЛКСМ (комсомол) А.И.Мильчаков, отвечая на съезде одному из представителей новой оппозиции, ленинградскому комсомольскому вожаку Наумову, который критиковал ЦК партии за администрирование в деле формирования руководящих органов комсомола, тут же сослался на сталинскую позицию. Он заявил, что когда *«нам говорят: пятнадцать комсомольцев из ЦК РЛКСМ выкинули, мы отвечаем: экие вы демократы! Тов. Сталин говорил, что для нас формальный демократизм – пустышка; я осмелюсь это повторить. Для нас интересы партии и партийного влияния на движение, в котором три миллиона комсомольцев и пионеров, – все. ЦК РКП поступил правильно, обеспечив руководство комсомолом»*.

Иными словами, любая попытка говорить о демократических процедурах с большевистскими бонзами почти немедленно вызывала их встречный аргумент о защите «интересов партии», заключающихся в осуществлении пролетарской диктатуры, а вовсе не демократии. Последняя неизменно получала у ленинцев уничижительное определение «формальной». Понимание же механизма упомянутого осуществления своей миссии они еще в решениях XII съезда (1923 г.) облекли в следующее чеканное определение: *«Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового отряда, т.е. Компартии»*.

Заметим в скобках, что это определение устраивало все поколения власть предержащих. Только в 1957 г. тогдашняя оппозиция Н.С.Хрущеву в кругах партийной верхушки усомнилась в его аутентичности, но, разумеется, не из любви к исторической истине, а совсем по другим, шкурным мотивам. Один из оппозиционеров Г.М.Маленков на заседании президиума ЦК КПСС 18 июня обвинил Хрущева в *«нарушении принципов коллективного руководства, поощрении действий аппарата по раздуванию культа личности Первого секретаря, который не объединяет, а разъединяет членов Президиума, неправильно понимает взаимоотношения между партией и государством, сбивается на зиновьевское отождествление диктатуры пролетариата с диктатурой партии»*. Однако ни на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК, осудившем «антипартийную группу», ни на октябрьском (1964 г.) – убравшим Хрущева с должности Первого секретаря, ни когда-либо позднее никакого теоретизирования по поводу данного определения не было, ибо его существо как устраивало, так и продолжало устраивать коммунистическую номенклатуру. А что касается того, что это, дескать, зиновьевская формула, поскольку именно он выступал на XII съезде с отчетным докладом ЦК РКП(б) и именно из упомянутого доклада перекочевало в съездовские решения подобное «отождествление», то что-то не наблюдалось несогласных с ним ни на XIII, ни на XIV, ни на XV съездах, как их не было вплоть до XXVIII (1990 г.), последнего съезда КПСС.

Думается, здесь разговор о том, как проблема внутрипартийной демократии ставилась на переломном в этом отношении XIV съезде, можно было бы закончить, указав еще раз на феномен полного безразличия большинства делегатов к данной проблеме, инициирование обсуждения которой исходило от ленинградской делегации. Кстати, следует напомнить, что в 1923 – 1924 гг. уже состоялась дискуссия на почти аналогичную тему, навязанная партии, как тогда говорилось, членом политбюро ЦК РКП(б), наркомвоенмором СССР Троцким и его сторонниками. XIII съезд подвел итог той дискуссии, констатируя полное поражение ее зачинщи-

ков и антипартийный характер их деятельности. Троцкий считал за лучшее отступить и признать ошибки. *«Никто из нас не хочет и не может быть правым против своей партии, – говорил он в своей «покаянной» речи. – Партия в последнем счете всегда права, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату для разрешения его основных задач... Я знаю, что быть правым против партии нельзя. Правым можно быть только с партией и через партию, ибо других путей для реализации правоты история не создала. У англичан есть историческая поговорка: «Права или не права, но это моя страна». С гораздо большим историческим правом мы можем сказать: права или не права в отдельных частных, конкретных вопросах, в отдельные моменты, но это моя партия».* Неудивительно, что уже крепко битый, не получивший со стороны большинства номенклатуры поддержки своим предложениям по переходу во внутрипартийной жизни к «новому курсу», Троцкий просидел молча на всех пленарных заседаниях XIV съезда. Только раз стенограмма зафиксировала реплику, а именно: в одном месте заключительного слова Зиновьева по завершении обсуждения его содоклада, выставленного ленинградцами в плане фронтальной полемики с Отчетом ЦК, Троцкий (с места) сказал: «Правильно!».

Итак, в вопросе о внутрипартийной демократии можно констатировать органическое для коммунистов неприятие каких-либо предложений по реальной демократизации, неприятие, предопределившее авторитарное окостенение большевистской партии и те действительно катастрофические последствия, о которых говорил на съезде Каменев.

Доносительство как зеркало внутрипартийной жизни. Выше уже говорилось, что РКП(б) увеличила свои ряды за период между XIII и XIV съездами в 2,3 раза. Отмечалось и то, что здесь сыграл свою роль ленинский призыв. Но дело, конечно, не только в этом. Ведь большевистская партия выступала с 1917 г. в качестве правящей, а с такой политической организацией пытаются связать свою жизнь все те – их же всегда немало, – кто стремится «выбиться в люди», иметь партбилет для обеспечения материального и всякого иного благополучия. Удельный вес агитаторов-подпольщиков, бессеребренников времен гражданской войны становился с годами все более незначительным (хотя авторитет старой ленинской гвардии продолжал оставаться высоким): членов партии с дореволюционным стажем к моменту открытия XIV съезда насчитывалось 8 500 человек, т. е. всего 0,8% от более чем миллионной организации. И понятно, что во внутрипартийной жизни уже заметно давали о себе знать принципы не революционной жертвенности, товарищеской солидарности и взаимовыручки, а карьерного роста, погони за «хлебными» должностями с подсиживанием сослуживцев, направлением «куда следует» письменных доносов и т.п. Настолько все это уже становилось заметным, что вопрос о доносительстве всплыл с подачи ленинградских делегатов на съезде, обсуждался на пленарных заседаниях, тем самым, следовательно, был признан отражающим известную реальность, а не выдуманным какими-то злопыхателями или еще что-то в этом роде.

Начало разговору об этом положил председатель Ленинградской губернской контрольной комиссии И.П.Бакаев. *«Я не могу, – заявил он, – равнодушно отнестись и к тем нездоровым нравам, которые пытаются укоренить в нашей партии. Я имею в виду культ доносительства. На вопросы так называемого доносительства у меня есть определенные взгляды, но если это доносительство принимает такие формы, такой характер, когда друг своему другу задушевной мысли сказать не может, на что это похоже?».*

Вопрос, как говорится, риторический. Председатель главного в Ленинградской губернии контрольного органа РКП хорошо знал, что система партийных осведомителей составляла неотъемлемую часть всепроникающей информационно-фискальной паутины, которой созданный Сталиным учетно-распределительный сектор ЦК давно уже и плотно опутал все центральные и местные парторганизации. Но о соответствующей конкретике в этом деликатном вопросе Бакаев, как и все остальные, говорить воздержался, ибо она имела гриф секретности и потому не подлежала широкому оглашению. Его же слова о тех, кто пытается укоренить в партии нравы

наушничества, доносительства, всем на съезде были понятны: речь шла о сталинской канцелярии, о ее не афишируемых, но уже набравших немалую административную силу подразделениях.

Как и следовало ожидать, сталинцы тут же напали на дерзнувшего тайное сделать явным, пусть даже и в обтекаемой, анонимной форме. Член секретариата ЦКК (Центральная Контрольная Комиссия) М.Ф.Шкирятов (более известный в партийных кругах под кличкой Малюты Шкирятова) глубокомысленно возвестил, что *«есть доносы и доносы. Если тов. Бакаев подразумевает под доносами то, что члены партии следят за моральной жизнью другого члена партии, подсматривают в окно, как он живет, то, конечно, такими доносами не нужно заниматься, и так следить за каждым членом партии не нужно. Но если член партии замечает, – поучал он делегатов, – что отдельные члены партии хотят создать какие-нибудь идейные группировки, и он об этом знает, но об этом не сообщает в высшие партийные органы, то это неправильно. Это – не донос, это – обязанность каждого члена партии»*.

Шкирятовские идеи о нужном и ненужном доносительстве, что называется, развил и углубил другой член секретариата ЦКК С.И.Гусев, который в своем выступлении уделил, как он сказал, *«парочку слов насчет задушевных мыслей тов. Бакаева. Что это за задушевные мысли, – назидательно вопрошал он аудиторию, – которые являются конспиративными от партии, которые нужно скрывать, ибо если кто-нибудь сообщает их Центральному Комитету, то сейчас же начинают кричать, что это доносительство? Я думаю, – разъяснил он далее, – что тов. Бакаев, которого я люблю и уважаю, впал в фальшь. Фальшивишь, ты, Бакаич, фальшивишь, поверь мне. Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть членом ЧК, т.е. смотреть и доносить. Я не предлагаю ввести у нас ЧК в партии. У нас есть ЦКК, у нас есть ЦК, но я думаю, что каждый член партии должен доносить. Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доносительства, а от недоносительства»*.

Столь откровенная защита руководством ЦКК антидемократических, фискальных порядков во внутрипартийной жизни, защита, действительно похожая на культ доносительства, никого особо на съезде не шокировала. Во всяком случае никто из лидеров сталинско-бухаринского большинства не «поправил» своих разоткровенничавшихся товарищей. Оспорить эту чистой воды полицейщину поднялась на трибуну лишь член Оргбюро ЦК, участник ленинградской делегации К.И.Николаева. Она, как и Бакаев, начала с констатации того ненормального положения, когда *«двое поговорили по душам по вопросам жизни партии или вообще о политике, один обязательно напишет в ЦКК»*. Причем эти «писатели», подчеркнула Николаева, заботой о доказательности своих подозрений себя не обременяют. В ход идут *«и личные разговоры, и документки, личные письма и т.д. Все это, вместе взятое, до добра не доведет. С одной стороны, разжигается желание бороться против таких приемов, а с другой – загоняется внутрь недовольство, заставляют молчать и не обмениваться мнениями мыслящих членов партии, думающих о ее судьбах и о вопросах, с которыми нас сталкивает жизнь»*. Далее она остановилась на позиции Гусева, так называемого основного секретаря Президиума ЦКК. *«Тов. Гусев сегодня с этой трибуны сказал так: что же, – говорит, – мы за доносы, такие доносы должны быть в партии, ибо каждый коммунист должен быть чекистом. Товарищи, что такое чекист? Чекист это есть орудие, которое направлено против врага (Голос с места: «В интересах партии»). Против классового врага (Голос с места: «Не всегда»). Извините, пожалуйста, чекист это есть орудие, направленное против буржуазии. Разве можно, товарищи, сравнивать то, что мы должны были быть чекистами в период гражданской войны, и в настоящее время? Разве можно это сравнивать действительно с тем положением вещей, которое мы хотим создать под этим лозунгом в нашей партии? Это никуда не годится. Доносы на партийных товарищей, доносы на тех, кто будет обмениваться по-товарищески мнением с тем или иным товарищем, это будет только разлагать нашу партию, и не членам Центральной Контрольной Комиссии выступать за такие доносы и делать подобного»*

рода сравнения. Такая система в партии будет наносить ущерб, она будет затушевывать истинное недовольство, ряд недоуменных вопросов, которые возникают у каждого мыслящего коммуниста, задумывающегося над теми явлениями, которые встают перед ним в современной трудной, сложной обстановке. Не такой системой надо бороться. Надо бороться системой правильной постановки внутрипартийной демократии (Смех). И только истинное освещение положения вещей может действительно предотвратить нежелательные явления, и Центральный Комитет должен серьезно заняться вопросом о внутрипартийной демократии».

Реплики с мест во время выступления Николаевой весьма показательны в смысле отражения настроений съездовского большинства. На слова Николаевой, что чекист является оружием, направленным против врага, послышался выкрик: «В интересах партии». На ее уточнение, что направленным именно против классового врага, кто-то подает голос: «Не всегда». И получается, что чекист защищает безопасность не русского народа, а в первую очередь действует в интересах партии, что его удары не всегда направляются только на классового врага, а и вообще на всех русских граждан, начинающих выступать не в унисон с партийно-государственным руководством, в чем-то угрожать его позициям. Когда же Николаева говорит о необходимости правильной постановки внутрипартийной демократии с тем, чтобы изживать наущничество и доноительство, съезд реагирует на ее слова откровенным смехом.

Уже тех штрихов к характеристике внутрипартийной жизни, о которых шла выше речь, видимо, достаточно, чтобы читатель получил представление об авторитарном «переустройстве» РКП(б), о котором говорилось выше. Сталинскому руководству не нужны были мыслящие большевики, о которых говорила Николаева и которые проявляли способность к трезвому анализу положения в партии и стране. Это руководство нуждалось в нерассуждающих солдатах партии, винтиках партийной машины, и каждая победа сталинцев над теми или иными оппонентами приводила к очередному конвульсивному сжатию внутрипартийной жизни, к росту удельного веса в общей партмассе упомянутых «солдат» и «винтиков». Но этим сказано еще не все.

Сталин и его сторонники раньше других группировок и их лидеров, – будь то Троцкий, Зиновьев с Каменевым, Бухарин с Рыковым и Томским, – поняли, что нужно создавать себе прочную опору в партии. И она, эта опора, в результате их терпеливой, целенаправленной деятельности появилась в первой половине 20-х гг. и получила бюрократическое название номенклатуры партийных и государственных должностей, находящихся в ведении ЦК и его органов (политбюро, оргбюро, секретариат и пр.). Гораздо позднее времени проведения XIV съезда, в 1937 г. в узком кругу своих приближенных Сталин высказался о «тайне» неизменных побед над оппозиционерами следующим образом: «Известно, что Троцкий после Ленина был самый популярный в нашей партии. Популярны были Бухарин, Зиновьев, Рыков, Томский. Нас мало знали, меня, Молотова, Ворошилова, Калинина. Тогда мы были практиками во времена Ленина, его сотрудниками. Но нас поддерживали средние кадры, разъясняли наши позиции массам. А Троцкий не обращал на эти кадры никакого внимания. Главное в этих средних кадрах. Генералы ничего не могут сделать без хорошего офицерства». Так, не мудрствуя лукаво, в редкую минуту откровения вождь номенклатурных назначенцев поведал о том, какую роль сыграли последние в его восхождении на партийный Олимп. Иначе говоря, номенклатурные средние кадры (областного уровня) обеспечили Сталину и его сторонникам в центральном руководстве не только свою неизменную поддержку, но и поддержку партийных низов, выпестованных этими кадрами и подчиненных им.

Но чтобы держать в нерассуждающем повиновении и эти средние кадры, и всю рядовую партмассу, нужны были не только авторитет наследников вождя мирового пролетариата и клятвенные заверения в неукоснительном следовании по ленинскому пути. Потребовался постоянно действующий, но отнюдь не публичный механизм исполнения спускаемых сверху

директив и инструкций, механизм обращения нижестоящих в личную зависимость от вышестоящих, контроля за умонастроениями партийцев и их поведением. В решении такого рода задач организационный багаж традиционной партийности оказался малопригодным, а заимствование государственных мер полицейского сыска, разведки и контрразведки – неизбежным. То есть взаимопроникновение структур ЦК и ЧК для ленинской партии нового типа было делом обычным, а потому и возобладали представления, согласно которым, по словам Сталина, *«коммунистов, косо смотрящих на разведку, на работу ЧК, боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодезь»*.

Поэтому-то партийные боссы на XIV съезде отнеслись так спокойно к обвинениям со стороны ленинградских делегатов в поощрении обращений (доносов) партийцев в ЦК и ЦКК, в культе доносительства, поэтому услужливый Гусев усмотрел проблему не в доносительстве, а в недоносительстве. Поистине следует, очевидно, считать доносительство неистребимым для партии нового типа, рассматривать его как зеркало внутрипартийной жизни коммунистов.

НЭП и проблема социалистического эгалитаризма. XIV съезд – единственный из всех двадцати восьми съездов советских коммунистов, на котором Отчетный доклад ЦК, зачитанный Сталиным, был по ряду принципиальных позиций оспорен содокладом, выдвинутым делегатами в составе 43 человек (по регламенту, утвержденному съездом в начале его работы, каждая группа делегатов с решающим голосом, насчитывающая 40 человек, могла выставить своего содокладчика). С этим содокладом, о чем уже говорилось, выступил член политбюро ЦК, глава ленинградского Совета и Губисполкома (а также председатель исполкома Коминтерна) Зиновьев.

Нет необходимости вдаваться в детальный разбор содержания как Отчетного доклада, так и содоклада, хотя различия в трактовке ряда вопросов в них и существуют. Если говорить обобщенно, то сталинско-бухаринский блок, названный его оппонентами слева (новая оппозиция) правоцентристским, лишь подтвердил в Отчетном докладе курс XIV партконференции (апрель 1925 г.). Этот курс нацеливал партию и всю страну на развертывание индустриализации в городе и нэповской политики в деревне. Рыков так охарактеризовал тогда своеобразие момента: *«Мы переживаем такие изменения в хозяйственной жизни деревни, которые выражаются в развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Мощь пролетарской диктатуры, развитие и укрепление национализированной промышленности, транспорта, банков и т.п. достаточно велики для того, чтобы не бояться развертывания нэпа в деревне. Это развитие нэпа в деревне и ликвидация методов управления, унаследованных от периода военного коммунизма, теснейшим образом связаны с обеспечением в деревне такой же законности, которая проведена в городе. Без создания этой обстановки законности нечего думать о том, чтобы можно было успешно строить кооперацию, осуществить те гигантские задачи, – и прежде всего завоевание доверия крестьянства, – которые стоят перед кооперацией»*. Деревня в то время, за исключением небольшой части бедноты, была настроена против большевистских правителей, которые – помимо введения в 1921 г. продналога вместо повального продотрядовского выгребания крестьянского зерна – ничего полезного для мужика не сделали, продолжали зачастую прибегать к силе и запугиваниям. И понятно, почему правоцентристский блок выдвинул вышеупомянутый курс: требовалось изменить положение к лучшему, добиться взаимопонимания не только с бедняком, но и с середняком и кулаком. *«Я считаю, – заявил главный идеолог этого курса Бухарин, – что достаточно правильной остается формулировка, что мы идем на развитие нэпа в деревне, которого до сих пор почти не было»*.

Вот этот курс и нашел отражение в Отчетном докладе ЦК XIV съезду. На упомянутой конференции Сталин лишь молча солидаризовался со своими «правыми» союзниками, а сам в качестве «центриста» изложил позиции партийно-правительственного блока на съезде. Но как раз названные позиции и подверглись критике в содокладе за «приукрашивание» нэпа и недооценку кулацкой опасности.

И Сталин, и Зиновьев неустанно клялись в верности покойному Ленину, бесконечно цитировали разные его высказывания, включая и те, что надо предоставить мужику хозяйственную самостоятельность, «не сметь командовать» в деревне и т.п. Тем более, что именно на это нацеливали решения XIV партконференции. Но сомнения ни того, ни другого не покидали: деревни они откровенно боялись, крестьянству никогда полностью не доверяли. Отсюда и тезис Зиновьева о «приукрашивании» сталинско-бухаринским блоком нэпа, о нецелесообразности его развертывания в сельской местности пока нет твердой смычки между городом и деревней, не обеспечены объективные предпосылки для долговременного союза рабочего класса с крестьянством. Как подчеркивал Зиновьев, *«надо твердо помнить, что этот самый союз рабочего класса с крестьянством нужен будет в дальнейшем (т.е. после победы пролетарской революции в других странах) еще больше, чем сейчас, между тем как нэп (т.е. данная форма союза рабочего класса и крестьянства) дело временное. Союз рабочего класса и крестьянства – это всерьез, надолго, навсегда, вплоть до уничтожения классов вообще. Нэп – это всерьез и надолго, но не навсегда»*. Заметим, кстати, что впервые насчет «не навсегда» обмолвился Троцкий, утверждавший в одной из своих работ, что *«если нынешний(нэповский) период затянется еще «всерьез и надолго», то ведь не навсегда. А может быть даже и не надолго»*. И правда: оказалось, что весьма ненадолго.

Одну из важнейших объективных предпосылок обеспечения долговременного союза рабочего класса с крестьянством Зиновьев и его сторонники видели в устранении кулацкой опасности посредством как экономических, так и внеэкономических, репрессивных мер социалистического государства. А поскольку курс на развертывание нэпа в деревне предполагал полный отказ от внеэкономического принуждения, он казался «левым» тесно связанным с такими издержками, как недооценка кулацкой опасности и ослабление позиций пролетарской диктатуры в тогдашней по преимуществу мелкокрестьянской России.

Что же касается сталинско-бухаринского блока, то он был прежде всего комбинацией, нацеленной на отстранение от власти Зиновьева, Каменева и их сторонников. Идеино-теоретические подпорки этого блока являлись, конечно, временными, и они служили генсеку тоже в первую очередь для развенчивания так называемых «левых» (новой оппозиции). Хотя сам Сталин представлял собой типичного левака-волютариста и не замедлил явить себя в этом качестве сразу, как только отпала необходимость в союзе с «правыми уклонистами» и настал черед их «отсечения». Как известно, этот поворот во взглядах вождя произошел через каких-нибудь два с небольшим года после XIV съезда, в период полного отказа большевистской верхушки от нэпа (который в деревне так и не утвердился) и перехода к насильственной коллективизации с ликвидацией кулачества как класса. Прав был Бухарин, когда в приватной беседе с Каменевым 9 июля 1928 г. сказал о Сталине, что *«это беспринципный интриган, который все подчиняет сохранению своей власти. Меняет теории ради того, кого в данный момент следует убрать»*.

Возвращаясь к XIV съезду и обсуждению на нем достоинств и недостатков новой экономической политики, обратимся опять к Зиновьеву, которому казалось, что сталинско-бухаринский блок затушевывает несоциалистическую сущность нэпа. Последний является преимущественной дорогой к социализму в мелкокрестьянской стране, но, конечно, не самим социализмом, поэтому он, нэп, должен рассматриваться только как этап – большей или меньшей длительности – восстановления после революции и гражданской войны нормальной хозяйственной жизнедеятельности с тем, чтобы двинуться далее, к реализации социалистических принципов этой жизнедеятельности. *«Если бы трудящиеся массы, – утверждал содокладчик в своем заключительном слове, – не понимали, что нэп у нас всерьез и надолго, но не навсегда, если бы они не понимали, что через нэп, как через этап, мы ведем их к социализму, если бы они не верили в мечту о социализме, т.е. о равенстве, больше, чем в 1917 г., – тогда наши слова о социалистическом строительстве ничего бы не стоили»*.

Зиновьев считал, что принципиальная грань между представлениями о России неповской и России социалистической в агитации затушевывается, ибо *«этот вопрос тесно связан с вопросом о равенстве. Это та же самая тема, потому что до конца объяснить рядовому рабочему социализм можно только тогда, если мы сумеем ему объяснить, что нэп всерьез и надолго, но не навсегда»*.

Постановка одним из лидеров новой оппозиции вопроса о социалистическом эгалитаризме вызвала на съезде весьма настороженную реакцию. Представители большинства усмотрели в подобном вопросе чуть ли не подкоп под позиции большевиков как правящей партии (читай: под позиции парт- и госаппарата). Критики Зиновьева обвиняли его в том, чего он вовсе и не имел в виду, – например, в предложении уже в то время уравнивать зарплату квалифицированных и неквалифицированных рабочих (с чем, в частности, Ленин отождествлял социализм в своей книге «Государство и революция»). Раздавались насмешливые вопросы, не думает ли содокладчик, что (согласно его концепции) *«надо нас тогда выселять из наших квартир и забирать автомобили?»* (в личном пользовании легковых автомобилей в 20-е годы почти не было – только служебные, прежде всего персональные у парт- и госноменклатуры).

Зиновьев заявил, что ни о чем таком он не думал, но если съезд не отказался от борьбы за утверждение в будущем подлинных принципов социализма, то *«почему вы так испугались мечты о равенстве?»*. Задав этот риторический вопрос, Зиновьев принялся опровергать упреки в демагогии ввиду, как многим казалось, несвоевременности рассуждений о равенстве. *«Тут нет ни малейшей демагогии, – говорил он. – Все трудности положения, неизбежности элементов неравенства при нэпе, сроки и пр., – на все это указывать надо... Неравенство есть, неравенство неизбежно еще будет, неравенство еще будет в течение некоторого времени усиливаться. И в то же время в массах будет расти и крепнуть сознательное стремление к равенству. Партия должна освещать массам весь путь, объясняя им, почему неравенство еще неизбежно, почему нам приходилось и еще придется иногда идти на усиление неравенства (спецы и пр.), но в то же время и именно поэтому всей своей работой (в том числе и агитацией) показывая, что через это неравенство и даже через его рост партия ведет народ к равенству, слышит и знает рост его «мечты» о равенстве. Этим будет дан отпор и тем, кто готов затушевывать рост неравенства, кто не умеет на деле сочетать этот временный рост неравенства с задачей построения социализма»*.

Более спесивых и самоуверенных правителей, чем коммунистические, трудно себе представить. Они полагали, что все могут предвидеть и объяснить с помощью марксизма-ленинизма, «единственно верного» диалектического метода и т.п. Один считал, что *«путь к социализму лежит через высшее напряжение государственности... Как лампа, прежде чем потухнуть, вспыхивает ярким пламенем, так и государство, прежде чем исчезнуть, принимает форму диктатуры пролетариата, т.е. самого беспощадного государства, которое повсеместно охватывает жизнь граждан со всех сторон»*. Другой усматривал путь к социалистическому равенству «через неравенство и даже через его усиление» и призывал «сочетать рост неравенства с задачей построения социализма». В угоду этой своей псевдодиалектике большевики отбрасывали весь предшествующий опыт истории, свидетельствовавший, что высшее напряжение государственности никогда не вело к ее отмиранию, а только к полицейщине и тирании, что через усиление неравенства невозможно придти ни к социалистическому, ни к какому иному эгалитаризму.

Завершая эту тему, подчеркнем еще раз, что съезд делегатов от парт- и госноменклатуры инстинктивно, на уровне подсознания почувствовал опасность в обсуждении проблемы социалистического равенства и путей продвижения к нему, когда кругом разворачивались совершенно противоположные процессы, не ускользавшие от внимания российского населения. Как заметил однажды Троцкий, *«чтобы обеспечить бифштекс, бутылку вина и другие блага жизни, понадобился тоталитарный режим»*, хотя сами потребители этих благ *«вряд ли умели*

вывести самодержавие Сталина из тяги бюрократии к комфорту». Наверное, действительно не все из делегатов XIV съезда умели понять, что *«во всякой политической борьбе большого масштаба можно в конце концов открыть вопрос о бишкексе»*, но высокое партийное начальство не без оснований усмотрело в зиновьевском теоретизировании стремление противопоставить представления о социализме как эгалитаристском обществе свободных тружеников усилению на практике тоталитарных тенденций и в партии, и в стране в целом. *«Нельзя играть фразой о равенстве, – предупредил съезд Сталин, – ибо это есть игра с огнем»*. Кто не внял предупреждению вождя, уже очень скоро поплатился не только комфортными условиями жизни, но нередко и собственной головой.

В заключение еще раз вернемся к тезису о том, что XIV съезд был рубежным. Во-первых, в смысле соблюдения известных принципов внутрипартийного демократизма, о чем свидетельствуют и содоклад Зиновьева, нацеленный на фронтальную критику сталинского Отчетного доклада, и выступления других членов ленинградской делегации (Бакаева, П.А.Залуцкого, Т.Е.Евдокимова, М.М.Лашевича, Каменева, Крупской, Николаевой, Сафарова и т.д.). Во-вторых, и в том также смысле, что именно на этом съезде проявились очевидные антидемократические тенденции: например, резолюция по Отчетному докладу стала известна новой оппозиции только за два часа до голосования, т.е. ее представители ни в какой мере к подготовке этой важнейшей резолюции привлечены не были, а потому содержание содоклада и результаты его обсуждения в данном партдокументе отражения не нашли. Это явилось, как отметил Зиновьев, *«фактом небывалым в истории нашей партии»*. Очевидный симптом игнорирования демократических процедур – отклонение сталинско-бухаринским большинством просьбы ленинградцев о назначении комиссии по выработке упомянутой резолюции, что тоже стало, по словам Зиновьева, *«небывалым фактом в истории наших съездов»*. Сюда же следует отнести исключение из повестки дня доклада Каменева об очередных вопросах хозяйственного строительства, поскольку последний не только оказался в числе лидеров новой оппозиции и выступил с наиболее, пожалуй, резкой речью по адресу сталинско-бухаринского большинства, но позволил себе личный выпад против генерального секретаря.

Если уж касаться конкретных лиц, то хотелось бы отметить, что фигура главного лидера новой оппозиции Зиновьева позитивного воздействия на имидж ленинградцев как делегации, инициировавшей обсуждение серьезнейших вопросов о внутрипартийной демократии, доносительстве, о своеобразии нэпа и его перспективах в городе и деревне, явно не оказала. Во многом прав был Куйбышев, когда говорил на съезде, что *«едва ли во всей нашей партии кто-нибудь из руководящих работников больше мог считаться представителем ...системы зажима, свирепой борьбы с дискуссией, чем тов. Зиновьев. Все знают этот режим большого зажима, слишком решительной борьбы с уклонами, без учета возможности использования того или иного работника. Самым классическим выразителем всего этого является тов. Зиновьев»*. Ясно, что для Зиновьева, как и для Каменева, первичной была борьба за власть, а все остальное – вторичным. Но сказать то же самое о всех представителях съездовского меньшинства явилось бы очевидным перехлестом. Именно таким перехлестом и выглядит следующее рассуждение Куйбышева: *«Я думаю, – заявил он, – что тот политический расчет, который руководил выступавшими товарищами, повлекший неожиданное перерождение их в махровых демократов, – этот политический расчет тоже не оправдается, потому что не поверят этому ни те оппозиционные группы, у которых они заискивают и которых хотят привлечь к работе, как не поверят им и ленинградские члены партии, ... и широкие массы Ленинграда, которые прекрасно знают, что во всяком случае ни Зиновьев, ни его сторонники не питают симпатии к демократизму»*.

Кто-то не питал, а кто-то и питал... Нельзя все представлять в одном только цвете. Во всяком случае, XIV съезд завершился на демократической ноте. Представители от оппозиции были избраны и в ЦК, и в ЦКК, и в ЦРК. Хотя, конечно, без последующих оргвыво-

дов дело не обошлось. Совсем иное отношение к оппозиционерам (троцкистско-зиновьевский блок), решившим дать последний, хотя и совершенно безнадежный бой сталинско-бухаринскому большинству, продемонстрировал, как уже упоминалось, следующий XV съезд ВКП(б) – съезд организационной расправы над инакомыслящими, которую Рудзутак назвал *«очередной чисткой партии от 4 тыс. никуда не годных, насквозь прогнивших интеллигентов»*.

Именно на XV съезде сталинские приспешники впервые применили не к представителям других партий (анархистов, меньшевиков, эсеров), а к собственным коллегам-большевикам ленинские указания наркому юстиции Д.И.Курскому о том, чтобы любую форму, любое направление деятельности оппозиционеров свести к шпионажу, для чего *«найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с международной буржуазией и ее борьбой с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т.п.)»*. Н.И.Муралов, один из сторонников Троцкого, указал на подобные провокационные действия в следующей итоговой формулировке: *«Таким образом, все вопросы, которые мы поднимали, обращались против нас в величайшие демагогические приемы и клевету. Дело доходило до того, что в конце концов дело дошло до сугубых, величайших, неслыханных в партии репрессий по отношению к преданным старым членам партии, революционерам, доказавшим свою преданность революции не клеветой, а делами, и обвинили их в том, что они являются агентами Чемберлена. Потом пытались связать с врангелевскими офицерами»*.

Но не одни сталинские клеветы (клевет – это приверженец, приспешник кого-либо, постоянный помощник в каких-либо (обычно неблагоприятных) делах) упражнялись в выказывании отчужденности, откровенной враждебности к своим вчерашним товарищам, выброшенным из партии. Рыков, например, тоже посчитал нужным «отметиться» при закрытии съезда угрожающей речью, стараясь, очевидно, выслужиться перед генсеком. *«В отношении тех, для которых после длительной борьбы против партии отказ от взглядов, признанных партией меньшевистскими, оказался труднее, чем угроза быть вне ВКП и Коминтерна, и которые, оставшись за бортом ВКП, попытаются выступить за пределами партии против нас, – в отношении всех их мы примем меры к подавлению всех попыток срыва нашей работы. Эти люди должны понять, что они для партии, для рабочего класса и для революции потеряны, и с ними партия не будет полемизировать, а будет бороться. В отношении к ним партия будет применять те же меры подавления и политической борьбы, которые она применяла, применяет и будет применять к каждому политическому течению, пытающемуся сорганизоваться в стране против Коммунистической партии, против рабочего класса»*.

Здесь зазвучали новые и весьма недвусмысленные мотивы, еще отсутствовавшие на XIV съезде, а именно: что пришла пора мер государственного подавления и политической борьбы, а не внутривнутрипартийной полемики. XV съезд, собственно, и санкционировал эти меры по отношению к большевистской партии, уравнивая, таким образом, ее членов с беспартийными гражданами России, которых и раньше «компетентные органы» хватили налево и направо. А значит и время активной «разработки» костоломами из ОГПУ ранее неприкасаемого слоя обладателей партбилетов было не за горами.

И вообще на горизонте уже занималась кровавая заря сплошной коллективизации с ликвидацией кулачества как класса. В результате этой кампании погибли миллионы исконных российских тружеников, кормильцев страны. Опять тут вспоминается Бухарин в качестве противника подобной левацкой политики и всех с нею связанных зверств. Находясь весной 1936 г. в Париже и встречаясь с известным историком-эмигрантом Б.И.Николаевским, он говорил, что в годы «красного террора», на гражданской войне *«видел вещи, иметь дело с которыми не пожелал бы и врагу. Но 1919 год никак нельзя сравнивать с 1930 – 1933 гг. В 1919 г. мы сражались за нашу жизнь. Мы убивали, но убивали и нас. Мы каждый день рисковали своими головами и головами близких... А в годы коллективизации, – заключал Бухарин, – шло хладнокровное уничтожение совершенно незащитных людей, с женщинами и детьми»*.

Для психического облика коммунистов, проводивших кампанию коллективизации с сопутствующей ликвидацией ни в чем не повинных людей, такого рода «деятельность» не была бесследной: кто не сходил с ума, превращался в тупое орудие массовых репрессий, считая их и в мирное время нормальным способом достижения поставленных руководством целей. В этом смысле XVI и XVII съезды ВКП(б) уже не являлись высшими форумами для обмена мнениями единомышленников, коллективного поиска ими решений и учета позиций не только партийного большинства, но и меньшинства. Они превратились во что-то вроде военизированных слетов гитлеровских штурмовиков, готовых выполнить любой, в том числе и заведомо преступный, приказ своего, но только не национал-социалистического, а большевистского фюрера. Но это уже другая страница советской истории.

Курс на индустриализацию. XIV съезд ВКП (б)

«Нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять». И.В. Сталин

Рис. 3. Курс на индустриализацию

Дореволюционная Россия хотя и обладала крупной промышленностью, но все равно оставалась аграрной страной. По уровню развития промышленности, в особенности тяжелой индустрии, она значительно отставала от развитых капиталистических стран.

Занимая по территории первое место среди всех стран мира, а по численности населения третье место, царская Россия по объему промышленной продукции стояла на пятом месте в мире и на четвертом в Европе. Отсутствовали многие важные отрасли промышленности: по производству станков, тракторов, автомобилей и другие. Дореволюционная Россия была оборудована современными орудиями производства вчетверо хуже Англии, вдесятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки.

Экономическая и техническая отсталость делала царскую Россию зависимой от развитых капиталистических стран. Для привлечения иностранных инвестиций в страну царское правительство пошло на создание концессий с участием иностранного капитала. Это позволило в короткие сроки создать новые металлургические, машиностроительные предприятия, освоить нефтяные месторождения и т.д. Но создание совместных предприятий, а ещё более того, предприятий на 100% принадлежащих иностранным владельцам, обернулось оттоком прибыли от работы данных предприятий за границу. Вместо направления данных средств на дальнейшее развитие страны. Это позволило, в дальнейшем говорить, что «в основных отраслях тяжелой индустрии страны хозяйничали иностранные капиталисты». Сложилась ситуация, при которой развитие страны находилось в зависимости от воли зарубежных капиталистов. Российская империя попала в полуколониальную зависимость от западных империалистов. Над страной нависла прямая угроза полной утраты национальной независимости. Ни нарождающаяся российская буржуазия, ни российские помещики неспособны были уничтожить вековую технико-экономическую отсталость России. Разрешить эту историческую задачу мог только рабочий класс.

« либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически... Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей» – говорил В.И.Ленин накануне Великой Октябрьской социалистической революции.

Почти сразу после Великой Октябрьской социалистической революции, в 1920 г. была создана Государственная комиссия по разработке плана электрификации России под руководством Г.М.Кржижановского. Менее чем за один год план был разработан и уже в декабре того же года был принят VIII Всероссийским съездом Советов. Через год его утвердил и IX Всероссийский съезд Советов.

«Коммунизм – это есть советская власть плюс электрификация всей страны» – Владимир Ильич Ленин.

Слова, сказанные В.И.Лениным, являются чистейшей, абсолютнейшей правдой, но не только коммунизм, ни одно современное индустриальное, жизнеспособное и имеющее возможность защитить себя общество (государство), при любом социально-экономическом строе, невозможно представить без крупного машинного производства. А для такого производства необходимо развитие электроэнергетики, что и предполагалось создать по плану ГОЭЛРО. В этом плане предусматривалось не только развитие энергетики, но и строительство предприятий, обеспечивающих эти стройки всем необходимым. Например, Сталинградский тракторный завод, который вошел в строй действующих предприятий в 1930 г. Данный план был выполнен и перевыполнен в 1931 г. Выработка электроэнергии в 1932 г. по сравнению с 1913 г. увеличилась не в 4,5 раза, как планировалось, а почти в 7 раз: с 1,94 до 13,5 млрд кВт-ч. Но план ГОЭЛРО только подготовил почву для индустриализации страны.

Как говорилось выше, страна не могла существовать без крупного машинного производства. Стране находившейся в политической и экономической изоляции необходимо было обеспечить население и вооружённые силы всем необходимым. Но изготовить сковороду и пушку не имея сталелитейного производства станкостроительных и металлообрабатывающих предприятий невозможно! Только крупное машинное производство как в городе, так и в деревне могло обеспечить тот быстрый рост производительности труда, который необходим для выживания нового государства, победы нового общественного строя. Ленин писал: *«Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие»*.

Главное место в крупной промышленности занимает тяжелая индустрия, т.е. отрасли, производящие средства производства – машины, оборудование, строительные материалы и т.д. Машиностроение занимает особое место среди всех отраслей тяжелой индустрии. Развитое машиностроение является источником перевооружения всех отраслей народного хозяйства современной техникой – машинами, станками и т.д., – источником технического прогресса.

Развитие тяжелой промышленности представляло собой ключ к обеспечению материального благополучия населения, преобразованию сельского хозяйства на основе передовой машинной техники, обеспечения продовольственной безопасности страны, и, как следствие, искоренения причин для возникновения волнений и беспорядков (восстаний) среди городского и сельского населения.

Уже тогда предполагалось то, что снабжая сельское хозяйство различными сельскохозяйственными машинами, социалистическая промышленность послужит основой развития новых производительных сил в деревне, необходимых для победы колхозного строя.

Индустриализация страны обеспечила рост численности рабочего класса, повышение его удельного веса в составе общего населения страны. Во второй половине 20-х годов XX века это было особенно важно, так как РКП(б) взяла на себя руководящую роль в новом обществе опираясь на диктатуру рабочего класса в союзе с крестьянством. Социалистическая индустриализация, по плану В.И.Ленина, должна была обеспечить технико-экономическую независимость и обороноспособность страны в тяжелой обстановке капиталистического окружения.

В.И. Ленин умер в январе 1924 года, но партия сохранилась и продолжила взятый курс на построение социализма.

XIV съезд РКП(б), как высший партийный форум собрался в Москве в декабре 1925 года. На нём было поднято много вопросов, но нас, в настоящий момент, интересует то, что он стал важной вехой в становлении СССР как индустриальной державы.

В то время расстановка политических сил в стране была сложная. Ленин с 1922 года из-за тяжелой болезни был вынужден отойти от дел управления. Еще в период его болезни в руководящем ядре РКП(б) сложилась левая оппозиция, противостоявшая в 1923 – 1924 годах триумvirату Сталина, Зиновьева и Каменева (к XV съезду триумvirат раскололся). Наиболее видным представителем левой оппозиции был Троцкий. Смерть Ленина в январе 1924 года обострила внутрипартийную борьбу.

В этих условиях выбор XIV съездом курса на индустриализацию СССР вместо возможного возврата, с одной стороны, к политике военного коммунизма, с другой стороны – к новой экономической политике (НЭП) не был столь очевидным. Он стал результатом напряжённой внутрипартийной борьбы.

В 1923 – 1924 годах оппозиция неоднократно пыталась устранить влияние генерального секретаря ЦК Сталина на решение реальных политических и экономических вопросов. Были попытки поставить Секретариат под полный контроль Политбюро, превратив его в чисто канцелярский орган, удалить Сталина из Секретариата, оставив ему лишь пост члена Политбюро. Попытки эти провалились. В 1924 году был проведен ленинский набор в партию, благодаря чему чисто ее членов выросло вдвое, превысив миллион человек; это уменьшило удельное влияние оппозиционных элементов. А в начале 1925 года Сталин добился исключения Троцкого из Реввоенсовета, лишив его военных рычагов влияния.

XIV съезд РКП(б), которая была переименована на съезде во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков) – ВКП(б), вошел в историю нашей страны как «съезд индустриализации». Съезд должен был проходить в Ленинграде, но его перенесли в Москву. В результате ленинградская оппозиция, которую возглавлял Зиновьев, лишалась «уличного козыря» в виде демонстраций, которые должны были поддержать оппозиционеров.

С политическим отчетом ЦК выступил на съезде И.В. Сталин. С отчетом представительства РКП(б) в Исполкоме Коминтерна (фактически содокладом) выступал Зиновьев. О соотношении сил на съезде говорит то, что доклад Сталина был одобрен 588 голосами, против 65, доклад Г.Е. Зиновьева – 424 голосами при 101 воздержавшемся. Присутствующий на съезде Троцкий имел лишь совещательный голос и в прениях не участвовал. Сталинская линия победила.

Главным решением съезда стало то, что был провозглашен курс на строительство социализма в одной отдельно взятой стране, на превращение СССР из аграрной страны в индустриальную. Мировая революция отходила на второй план. Был сделан упор на усиление государственной составляющей в ключевых отраслях промышленности и торговли, на обеспечение решительного перевеса социалистических элементов над элементами капиталистическими. Была поставлена важнейшая задача обеспечить народному хозяйству независимость от капиталистического окружения. Ставилась также задача расширения товарооборота с внешним миром, обеспечения активного торгового баланса.

С высоты истории можно уверенно сказать, что эти принципы народнохозяйственного строительства явились важнейшим экономическим условием победы СССР в Великой Отечественной войне. Съездом была обеспечена и политическая основа проведения в жизнь принятых решений; в течение следующего 1926 года Зиновьева сменил в Ленинграде Киров, Каменева во главе правительства – Рыков. Политбюро было усилено Молотовым, Калинин, Ворошиловым.

Необходимо сказать и о таком решении съезда, как переименование Российской коммунистической партии большевиков во Всесоюзную коммунистическую партию большевиков, ВКП(б).

СССР в первые годы после своего образования не слишком походил на то государство, каким старшее поколение наших граждан помнит его по 50 – 80-м годам XX века. В Советском Союзе вплоть до принятия в 1937 году новой Конституции формально не было даже единого главы государства! Так, Михаил Иванович Калинин, которого иногда называют таковым, на самом деле был Председателем ВЦИК РСФСР и лишь периодически выполнял обязанности главы союзного ВЦИК, чередуясь с главами республиканских ЦИК на Украине, в Белоруссии и т.д.

Да, было центральное правительство Союза ССР, но оно насчитывало всего около десятка наркоматов. А скажем, общесоюзного наркомата просвещения, науки, культуры не существовало вообще – каждая республика решала эти вопросы отдельно. В этих условиях главным скрепляющим элементом советской государственной конструкции становилась общесоюзная коммунистическая партия, которая цементировала единое Союзное государство и выступала важнейшим проводником в жизнь принятой XIV съезде ВКП(б) программы индустриализации и построения социализма в Стране Советов.

Но вернёмся к «социалистической индустриализации» – такой административно-идеологический оборот речи был в ходу в то время, хотя различие между социалистической и капиталистической индустриализацией не так уж и велико, но принципиально по отношению разработки планов производства, распределения производимой продукции, присвоения и распределения прибыли.

Социалистическая индустриализация представляла из себя такое развитие крупной промышленности, и в первую очередь тяжелой индустрии, которое обеспечивало перестройку всего народного хозяйства на основе передовой машинной техники, победу социалистических форм хозяйства, технико-экономическую независимость страны от капиталистического окружения.

С победой пролетарской революции в России возникло противоречие между самой передовой политической властью в мире – Советской властью и отсталой технико-экономической базой, унаследованной от прошлого. Советская власть не могла бы долго продержаться на базе отсталой промышленности. Чтобы преодолеть это противоречие, необходимо было осуществить социалистическую индустриализацию.

Необходимость быстрых темпов индустриализации вызывалась внешними и внутренними условиями развития Советского Союза – первой в мире страны социализма.

Внешние условия развития СССР определялись наличием враждебного капиталистического окружения. Страны империализма обладали более мощной промышленностью и стремились уничтожить или максимально ослабить страну Советов.

Внутренние условия развития СССР определялись тем, что страна оставалась мелкокрестьянской, в ней сохранялась более прочная экономическая база для капитализма, чем для социализма. Чтобы решить вопрос о том, кто победит в данной «схватке», необходимо было в исторически короткие сроки преобразовать частнособственническое мелкое хозяйство крестьян в коллективное хозяйство, вооруженное передовой техникой, и лишить капитализм его базы в мелкотоварном производстве. Эта задача не могла быть разрешена без быстрого развития тяжелой индустрии.

«Мы отстали от передовых стран на 50 – 100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.» – Иосиф Виссарионович Сталин.

За период 1929 – 1937 гг. среднегодовые темпы роста промышленной продукции в СССР составляли около 20%, в то время как в капиталистических странах они составляли в сред-

нем всего 0,3%. Темпы роста промышленности в СССР во много раз превышали темпы роста промышленности главных капиталистических стран в лучшую пору их развития. Так, в США среднегодовой прирост промышленной продукции составлял: за 1890 – 1895 гг. – 8,2%, за 1895 – 1900 гг. – 5,2%, за 1900 – 1905 гг. – 2,6%, за 1905 – 1910 гг. – 3,6%.

Индустриализация такой отсталой в прошлом страны, какой была Россия, являлась трудным делом, ибо создание мощной тяжелой промышленности требовало громадных материальных и финансовых затрат.

В индустриализации капиталистических стран наряду с нещадной эксплуатацией рабочих и крестьян важнейшую роль играл приток извне, за счет колониального грабежа, военных контрибуций, кабальных займов и концессий. Эти способы мобилизации средств для строительства индустрии несовместимы с принципами социалистического строя. Советская страна должна была решать проблему накопления средств для создания тяжелой индустрии исключительно за счет внутренних источников. Для этого была необходима жесточайшая экономия в хозяйстве. *«Мы экономим на всём, даже на школах. – писал Ленин. – Это должно быть, потому что мы знаем, что без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без нее мы вообще погибнем, как самостоятельная страна».*

Значительная часть необходимых средств была получена за счёт национализации предприятий и имущества остатков эксплуататорских классов. Экспроприация помещиков и капиталистов открыла возможность использования для социалистической индустриализации значительной части средств, которые ранее присваивались эксплуататорами. Советская власть освободила страну от ежегодной кабалы в виде процентов по царским займам и дивидендов иностранным буржуа на их капиталы, помещенные в России (Революционное, но не экономическое решение. Во многом это осложнило дальнейшую внешнюю политику СССР). До революции на эти цели ежегодно расходовалось 800 – 900 миллионов рублей золотом.

Плановая социалистическая промышленность обладала неоспоримыми преимуществами по сравнению с промышленностью капиталистической в обеспечении роста накоплений. Она была свободна от анархии производства, но требовала очень грамотного перспективного и текущего планирования.

Плановое руководство промышленностью, трудовая активность рабочего класса и другие немаловажные факторы создали условия для непрерывного роста производительности труда. В результате этого социалистическая промышленность получила возможность для неуклонного снижения себестоимости продукции.

В целях обеспечения индустриализации использовалась концентрация всех имеющихся в стране денежных накоплений государственных и кооперативных предприятий, а также свободных средств населения (В том числе 18 июля 1930 г. был создан знаменитый Торгсин (Торговля с иностранцами), где товары отпускались за иностранную валюту, так же можно было сдать ювелирные украшения, золото и прочие ценности) в государственных кредитных учреждениях и их плановое использование для развития индустрии. Страна Советов обеспечивала разумное расходование накопленных средств в целях удовлетворения важнейших запросов индустриализации. Она проводила политику строжайшего режима экономии, всемерного упрощения и удешевления государственного и кооперативного аппарата, укрепления хозяйственного расчета, финансовой дисциплины, борьбы с излишествами в расходовании государственных средств.

Все эти источники внутреннего накопления дали миллиарды рублей на индустриализацию страны и позволили произвести крупные капитальные вложения в промышленность, особенно в тяжелую. Применение социалистического метода индустриализации дало огромный выигрыш во времени, обеспечив создание в кратчайшие сроки первоклассной индустрии, высокие темпы ее роста.

В годы первой пятилетки развернулось массовое социалистическое соревнование в борьбе за выполнение и перевыполнение планов. Вторая пятилетка ознаменовалась возникновением стахановского движения, которое было связано с овладением работниками производства современной, первоклассной техникой, ломало отсталые, низкие технические нормы и заменяло их более высокими. Стахановское движение явилось новым этапом социалистического соревнования. Широко развернувшееся социалистическое соревнование явилось основным фактором досрочного выполнения первого и второго пятилетних планов.

Одним из основных условий высоких темпов индустриализации явилось успешное решение в течение нескольких лет труднейшей проблемы создания многочисленных промышленных кадров. В годы первой и второй пятилеток Советское государство развернуло огромную работу по подготовке кадров через систему высших учебных заведений и техникумов для промышленности и других отраслей народного хозяйства. Планомерная организация подготовки кадров и заинтересованность рабочих масс в подъеме общественного производства ускоряли и облегчали освоение новой техники. На этой основе были созданы условия для быстрого роста производительности труда.

За время с 1928 по 1937 гг. число рабочих и служащих крупной промышленности увеличилось с 3,8 миллиона человек до 10,1 миллиона человек, то есть в 2,7 раза. Число квалифицированных рабочих, работающих на новейших механизмах, росло значительно быстрее общей численности рабочего класса. За время с 1926 по 1939 гг. число токарей выросло в 6,8 раза, фрезеровщиков – в 13 раз и т.д. Количество инженеров выросло в 7,7 раза.

Успешное выполнение программы индустриализации изменило соотношение между промышленностью и сельским хозяйством: удельный вес промышленной продукции во всей продукции страны резко повысился. Социалистическая промышленность превратилась в решающую силу народного хозяйства. Производство средств производства заняло преобладающее место в общей массе промышленной продукции, стало играть ведущую роль в развитии промышленности и всей экономики страны.

По темпам развития и по уровню техники промышленность СССР догнала и перегнала промышленность главных капиталистических стран. Советский Союз добился технико-экономической независимости от капиталистических стран.

За годы первых двух пятилетних планов развития народного хозяйства в СССР была построена мощная тяжелая индустрия, оборудованная по последнему слову техники. В 1937 г. основные производственные фонды всей промышленности (производственные здания и сооружения, машины и оборудование) превышали уровень 1928 г. в 5,5 раза. Были созданы десятки новых отраслей промышленности, которых не знала дореволюционная Россия: автомобильная и тракторная промышленность, станкостроение, ряд химических производств, самолетостроение, моторостроение, производство комбайнов, мощных турбин и генераторов, качественных сталей и многие другие. За годы пятилеток были построены и пущены в ход тысячи фабрик и заводов. Среди них – десятки гигантов социалистической индустрии: Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Днепровская гидроэлектростанция, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, автомобильные заводы в Москве и в Горьком, и др. Новые предприятия стали играть основную роль в общем объеме промышленной продукции. Уже в 1937 г. свыше 80% всей продукции было получено с предприятий, вновь созданных или реконструированных за годы первых двух пятилеток.

С 1913 по 1940 гг. продукция крупной промышленности в СССР выросла почти в 12 раз. По объему промышленной продукции Советский Союз уже к концу второй пятилетки занял первое место в Европе и второе в мире. Удельный вес крупной промышленности в валовой продукции крупной промышленности и сельского хозяйства поднялся с 42,1% в 1913 г. до 77,4% в 1937 г. В 1913 г. в валовой продукции всей промышленности на долю средств производства приходилось 33,3%, в 1940 г. – более 60%. В 1913 г. в общей продукции промыш-

ленности продукция машиностроения составляла всего 6%, в 1940 г. – 30%. По удельному весу машиностроения в продукции промышленности Советский Союз вышел на первое место в мире. Накануне первой пятилетки СССР ввозил из-за границы примерно одну треть всех машин. В 1932 г. ввозилось уже менее 13%, а в 1937 г. – только 0,9%. Советский Союз не только прекратил ввоз из капиталистических стран автомобилей, тракторов, сельскохозяйственных и других машин, но и стал вывозить их за границу.

В результате выполнения второй пятилетки частная промышленность была окончательно ликвидирована. Социалистическая система стала единственной системой в промышленности СССР. Социалистическая индустриализация привела к подъему материального и культурного уровня трудящихся. Уже в годы первой пятилетки – в конце 1930 г. – в СССР была полностью ликвидирована безработица. Создание тяжелой индустрии послужило основой для технической реконструкции и мощного развития отраслей, производящих предметы потребления – сельского хозяйства, легкой и пищевой промышленности. Капитальные вложения в промышленность, производящую предметы потребления, во вторую пятилетку утроились по сравнению с первой пятилеткой.

В процессе социалистической индустриализации произошли коренные изменения в размещении промышленности. Были созданы новые первоклассные промышленные базы в восточных районах страны – на Урале, в Западной Сибири, Казахстане. Социалистическая индустриализация сопровождалась ростом старых и созданием новых городов. По всей стране, особенно на востоке, выросли крупные города и индустриальные очаги, которые стали экономическими и культурными центрами, преобразующими весь облик окружающих районов.

В результате осуществления программы индустриализации Советский Союз из отсталой, аграрной страны превратился в могучую социалистическую индустриальную державу. Советский Союз за 13 предвоенных лет прошел путь, на который развитые капиталистические страны затратили примерно вдесятеро больше времени. Это был величайший скачок от отсталости к прогрессу, равного которому не знала мировая история.

Курс на коллективизацию сельского хозяйства. XV съезд ВКП(б)

Рис. 4. XV съезд ВКП(б). На переднем плане (слева направо) Рыков, Скрипник, Сталин
XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) проходил в Москве со 2 по 19 декабря 1927 года

Десять лет с момента победы Октября, без малого четыре года после смерти Ленина а в руководстве партии кипела напряженная борьба. Уничтожив идеологических противников партия раскололась сама в себе. На кону стоял не вопрос идеологии, а вопрос: Кто будет у власти? К власти рвалась группировка Троцкого, которую подкреплял «левый уклон» Зиновьева и Каменева. Сияясь свалить Сталина, они использовали ленинское «политическое завещание» (по заключению доктора исторических наук Валентина Сахарова, весьма сомнительное, существующее лишь в виде машинописных расшифровок стенограмм, не имеющее подлинников, отметок о регистрации, чьих-либо заверяющих подписей). Однако достаточного количества компромата против генсека собрать не удалось. А полем битвы в борьбе за власть стали вопросы экономической политики, вокруг которой и разыгрались основные баталии.

Партийное крыло Бухарина – Рыкова – Томского, к которому в тот период примыкал Сталин, стояло за углубление нэпа и «плавную» индустриализацию, доказывало, что льготы крестьянам и частникам поднимут сельское хозяйство, легпром, а это даст средства для строительства тяжелой промышленности. Главным критерием правоты в партийных дискуссиях считался «ленинизм», поэтому было взято на вооружение высказывание покойного вождя о том, что нэп – «всерьез и надолго».

Оппозиция козыряла другой цитатой из наследия Ленина: в марте 1922-го тот провозгласил на XI съезде, что длившееся год отступление закончено и нужна перегруппировка сил

для нового штурма. Троцкий с «уклонистами» требовали свернуть нэп, возобновить наступление на крестьянство, а всевозможные препятствия на пути к индустриализации преодолеть как можно скорее. Впоследствии многие обвиняли Сталина в том, что он позаимствовал программу у политических противников, однако имелось и ключевое отличие. Тезисы троцкистов и зиновьевцев однозначно увязывались с «мировой революцией»: дескать, оборудование и технологии можно получить только на Западе, а цены на сельхозпродукцию и сырье на мировом рынке диктует капиталистическое окружение, которое создать нам собственную промышленность и построить социализм все равно не даст.

Доводы лидеров оппозиции выглядели, мягко говоря, нелогичными. В отсутствие «мировой революции» эти деятели сами играли на руку капиталистам. Троцкий возглавлял Главконцесском СССР, Каменев – наркомат внешней торговли. Заключались крайне невыгодные для нашей страны сделки, направо и налево раздавались концессии, по дешевке, зачастую ниже себестоимости сбывались за рубеж природные богатства, распродавались произведения искусства (этим занималась жена Каменева – сестра Троцкого). И это было не удивительно, ведь руководство оппозиции составилось именно из тех, кто при подготовке революции был связан с западными финансовыми кругами и спецслужбами, с теневым финансированием «ленинской гвардии». При советской власти прежние связи троцкистов сохранились, причем выходило так, что львиная доля валютных поступлений от продажи сырья, сельхозпродукции и прочих ценностей шла не на нужды промышленности, а... все туда же, за границу – на «мировую революцию» (через Коминтерн и иные структуры, где верховодили Зиновьев и люди Троцкого).

В атаках на власть оппозиционеры не преуспели. Их опорой были партийные и хозяйственные функционеры, чиновники высшего звена. Сталин же опирался на прослойку «серых» аппаратчиков и партийную массу, рядовых коммунистов, патриотов, искренне желавших блага для родной страны, куда более многочисленных, неприязненно относившихся к «элите». На всех съездах и партконференциях противники Иосифа Виссарионовича терпели поражения, раз за разом утыкаясь в резолюцию XI съезда партии, еще ленинскую, гласившую о недопустимости фракций. Сталин в ту пору был далеко не всесильным, и наказания отступникам следовали довольно мягкие. После каждого раунда борьбы деятели оппозиции понижались в должностях, понемногу уступали свои высоты в партийной иерархии, теряли политический вес. От этих неудачников отпадали сторонники (те же функционеры), карьеристы переходили на другую сторону.

Генсек все более уверенно проводил собственную линию, которую впервые озвучил еще в 1917 году в споре с троцкистом Преображенским, выступал за построение социализма в одной-единственной стране, хотя с точки зрения классического марксизма это было ересью. В 1925-м была ликвидирована занимавшаяся «экспортом революции» Военная комиссия Коминтерна. Вышло постановление Политбюро о прекращении деятельности «активной разведки» (этим термином обозначались диверсии, террористические акции, создание за рубежом боевых организаций). В ноябре 1926-го на XV партконференции, где состоялся разгром троцкистов и зиновьевцев, тезисы о «построении социализма в одной стране» коммунисты приняли официально как основу курса партии.

Тогда же стало ясно и то, что программа «плавной» индустриализации по Бухарину – тупиковая. Крестьяне в поте лица трудились на клочках поделенной земли (с лошадейкой, примитивной сохой), а 83% предприятий торговли захватил в стране частный сектор. В деревне повсюду проявили себя буржуазные элементы. Деревенские «кулаки» вполне легально, скупали продукцию у односельчан и перепродавали городским нэпманам, и даже при высоких урожаях поступления в казну оказывались гораздо ниже запланированных. Начатое строительство новых предприятий приходилось замораживать. В СССР не хватало самого необходимого. По словам чекиста Георгия Агабекова, который описал бытовавшую даже в центральном аппарате ОГПУ традицию, сотрудники, перед отправкой за границу, раздаривали или продавали сослуж-

живцам часы, костюмы, ручки и прочее, поскольку все это за рубежом могли купить запросто, а на родине достать было негде.

XV партконференция постановила ускорить подъем промышленности, *«в минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран»*. После провала собственных прогнозов согласился с такой линией и Бухарин. От установок троцкистов она принципиально отличалась: индустриализацию предполагали проводить в основном за счет внутренних ресурсов, а не «помощи» из-за рубежа. Иностранных концессионеров начали вытеснять – без шума, но целенаправленно. Советские чиновники выискивали у них формальные нарушения, под благовидными предложениями требовали расторжения договоров. Зарубежным дельцам, размышлявшим о баснословной наживе, пришлось сворачивать дела и уезжать.

И, на этом фоне, вдруг резко обострилась международная обстановка. До сих пор Коминтерн и советские спецслужбы за границей творили что хотели, порой откровенно безобразничали, однако западные правительства смотрели на это сквозь пальцы. Теперь, когда курс на «мировую революцию» в СССР похоронили, на Западе принялись раздувать психоз «коммунистической угрозы». Начались налеты с обысками на советские представительства, в дипломатических нотах зазвучали неприкрытые угрозы. Иностранные разведки активизировали белых эмигрантов, по Советскому Союзу прокатилась волна терактов. Причина всего этого была вполне логичной: рухнули планы, направленные на то, чтобы «мирно», через оппозицию, подмять экономику СССР, превратив его в сырьевой придаток Запада. Обескровленная революциями Россия стремилась снова подняться на ноги.

С появлением внешней угрозы снова забурлили троцкисты с зиновьевцами, причем перешли к «дооктябрьским» методам, собирая митинги на заводах, устраивая сходки в лесу, распространяя листовки. «Несогласные» предрекали: в надвигающейся войне СССР будет неминуемо разгромлен. Даже необходимость обороны государства Троцкий ставил в зависимость от того, кто будет у власти, высокомерно поучал: «преступное правительство» Сталина защищать нельзя; лишь тогда, когда оно падет, война станет оправданной. По сути, вел ту же пропаганду, что и в Первую мировую. На сей раз такая демагогия популярности не снискала, на пленуме в октябре 1927-го бывшего наркомвоенмора (Троцкого) и Зиновьева вывели из ЦК.

Они не уgomонились, в 10-ю годовщину революции, 7 ноября, попытались устроить альтернативные демонстрации: лозунги и портреты «вождей» (себя любимых) вывесили на стенах домов, где жили сами. Так, на углу Воздвиженки и Моховой красовались лики Льва Давыдовича и Григория Евсеевича. По воспоминаниям троцкиста Ильи Павлова, сталинисты попытались сорвать эти изображения баграми. *«Активную оборону своих портретов вели оригиналы. Вооружившись половой щеткой с длинным черенком, Троцкий энергично отбивал атаки»*. Это было символично: еще совсем недавно всемогущий «демон революции» теперь махал шваброй, защищая собственный портрет... Однако были на улицах и эксцессы, столкновения с милицией. А в общем и целом оппозиционеры хотели реанимировать давнишний сценарий: начнется война, а в тылу – революционное движение. Сталин о таких планах знал и осуществиться им не позволил. На объединенном собрании ЦК и ЦКК Троцкого и Зиновьева исключили из партии.

В такой обстановке 2 декабря открылся XV съезд партии. Сложившиеся обстоятельства определили и повестку дня, и проекты решений.

Участники форума утвердили директивы Первого пятилетнего плана, грандиозного рывка строительства промышленности. В условиях нараставшего противостояния с Западом это было единственной возможностью выстоять. Для обеспечения выполнения намеченного ставилась задача коллективизации сельского хозяйства. О раскулачивании речь пока еще не шла. Сохранялись законы об аренде земли, о разрешении наемного труда в деревне. Одолеть кулаков коммунисты хотели с помощью экономических рычагов, в процессе *«преобразования*

и объединения мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупное коллективное хозяйство».

Что же касается борьбы с оппозицией, то Сталин, вопреки легендам, ленинские тезисы «политического завещания» не скрывал. Наоборот, сыграл на них. Соображения «вождя мирового пролетариата» делегаты обсудили и решили обнародовать. Как известно, в статье, условно названной «Письмом к съезду» (машинописные диктовки не были озаглавлены), от Ильича досталось всем большевистским лидерам, однако обвинения генсека в «грубости» партийные работники времен гражданской войны воспринимали как несерьезные, а вот определение «небольшевизм» по отношению к «демону революции» звучало убийственно.

Исключение из партии Троцкого и Зиновьева съезд одобрил единогласно. Невзирая на покаяния с трибун, добавили к изгнанным еще 75 деятелей оппозиции во главе с Каменевым. Рядовых троцкистов решили воспитывать убеждением, неисправимых – гнать из партии (таковых в дальнейшем набралось около 10 тысяч). Правда, после признания грехов прощали. Из страны выгнали только Льва Троцкого (22 января 1929 года Л.Д.Троцкого вывезли в Алмату (Узбекистан), затем в Пишпек (Бишкек), потом в Окрестности Москвы, наконец в Одессу, и по договорённости с Мустафой Кемалем Л.Д. Троцкого приняла Турецкая республика), а Зиновьева с Каменевым уже через полгода в ВКП(б) восстановили, одного назначили ректором Казанского университета, второго начальником отдела ВСНх (ВСНХ – высший совет народного хозяйства).

Трудовой штурм первой пятилетки выдался чрезвычайно тяжелым. Работали на энтузиазме, с трудностями и лишениями не считались. Строители новых предприятий жили впроголодь в землянках, в плохо приспособленных для нормального быта бараках. Пришлось привлечь иностранцев – без них обойтись все-таки не получалось. Для проектирования намеченных объектов выбрали американскую фирму «Альберт Кан», оборудование и машины закупали у других западных (американских и германских) компаний. Возможность расплатиться с ними почти сразу же повисла на волоске. Главной статьей советского экспорта было зерно, а планы хлебозаготовок рухнули. Потом выяснилось, что хлеб кто-то скупал. Кто? Вопрос по сей день остается открытым, хотя в наше время мы можем вспомнить, как для провоцирования кризиса и революции отработывались технологии создания искусственного дефицита в России в 1916 – 1917 годах.

Сталинское правительство от планов индустриализации не отказалось, но было вынуждено пойти на чрезвычайные меры, включая насильственное изъятие «излишков хлеба». Когда обнаружилось, что скупка сельхозпродукции велась через кулаков, началась кампания раскулачивания. Чрезвычайщина (а точнее, ее методы) вызвала волну крестьянских восстаний, поставив страну на грань гражданской войны, привела к масштабному голоду. Жесткость решений руководства страны усугублялась на уровне исполнителей, оборачиваясь настоящими катастрофами.

Борьба с антисоветскими кружками и организациями нанесла куда больше вреда, чем они сами (например, операция «Весна» с арестами всех бывших царских офицеров в Красной армии, массовым увольнением и преследованием «буржуазных спецов»). Бухарин попутно разгромил Академию наук, большевики нанесли еще один сокрушительный удар по Церкви. Много позже откроется: на смену побежденной оппозиции выдвинулись замаскированные «вторые эшелоны». Троцкисты с зиновьевцами никуда не делись, прощенными возвратились на руководящие должности. От прежних внутрипартийных форм фракционная борьба перешла на конспиративные, подрывные уровни. В 1938 году Ягоде, Бухарину и иже с ними будут предъявлены конкретные и справедливые обвинения во вредительстве, организации голода, провоцировании восстаний, однако до поры до времени все это списывали на «перегибы», чрезмерное усердие слишком ретивых исполнителей.

В конце 1932 года Сталин прекратил героический, но крайне болезненный штурм первой пятилетки, просто объявил, что она выполнена досрочно («подкорректировал» цифры, оценил не объем производства, а стоимость продукции, которая регулировалась государством). Уже в 1947-м бессменный генеральный секретарь признался, что тот план выполнен не был.

Как бы то ни было, даже такой ярый антисоветист и русофоб, как Ян Грей, констатировал, что *«первый пятилетний план по масштабам и достижениям являлся величайшим планируемым экономическим предприятием за всю историю человечества»*. И главная задача, невзирая ни на что, была достигнута. За счет сверхусилий, непомерного расходования средств и ресурсов наша страна совершила стратегический прорыв, создала фундамент отечественной промышленности. В том же 1932 году СССР не стал продлять контракты с головной американской фирмой «Альберт Кан», прекратил закупки за рубежом тракторов и другой техники. Отныне советская экономика развивалась уже на собственной базе – без кардинальных встрясок, эволюционно. А наличие мощной промышленности обеспечило Победу в Великой Отечественной войне.

Итоги съезда:

Принятие Директив по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Главная цель – наращивание экономической и военной мощи страны для преодоления отсталости СССР от передовых стран и повышения обороноспособности.

Провозглашение курса на коллективизацию сельского хозяйства. В резолюции съезда «О работе в деревне» отмечалось, что задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне.

Одобрение решения Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП(б) об исключении из партии Л.Д.Троцкого, Г.Е.Зиновьева и других членов «троцкистско-зиновьевского антипартийного блока»

Первая пятилетка (1928 – 1932 г.)

Рис. 5. Агитационный плакат (Первая пятилетка)

Первая пятилетка в СССР – это 1928 – 1932 годы (формально закрывали хвосты до 1933-го). Замысел простой и дерзкий: из аграрной страны сделать индустриальную. Ставка – на тяжёлую промышленность, энергию, транспорт. В общем и целом правильно, но забыли что выполнение планов зависит от людей, а вот про потребности этих людей забыли. Просто не было привычки заботиться о людях, они, как ни будь, сами по себе выживут. Из-за недостатка средств быт и «товары для людей» отодвинули на второй план. Отсюда и главный конфликт периода: заводы растут быстро, а в магазинах пусто.

За пятилетку партия планировала удвоить-утроить выпуск базовой промышленной продукции – угля, стали, нефти, электроэнергии. Старались, как могли, но в количественном отношении заданных плановых показателей достигнуть не смогли. Однако для самоуспокоения и для того, что бы не подрывать трудовой энтузиазм народа постарались не соврав, все же показать перевыполнение. Кое где подправили плановые показатели, кое где количественный показатели заменили в отчётах на стоимостные. Так официальные отчёты показали «перевыполнение» поставленных планов, но если смотреть трезво: тяжёлая промышленность выросла резко, хотя сроки и сметы рвало по живому. Многие объекты запускали в пожарном режиме: «первый чугун пошёл» – и уже праздник (И правильно! Люди искренне радовались достигнутым успехам), даже если вокруг недостроенные корпуса.

Что же успели построить за годы первой пятилетки?

Во-первых – Днепрогэс (ДнепроГЭС) – крупнейшая ГЭС на Днепре. Стартовали ещё до пятилетки, а в 1932-м дали промышленный ток. Это был символ! ДнепроГЭС стал основой промышленного развития Советской Украины – свет, алюминий, новые заводы в регионе.

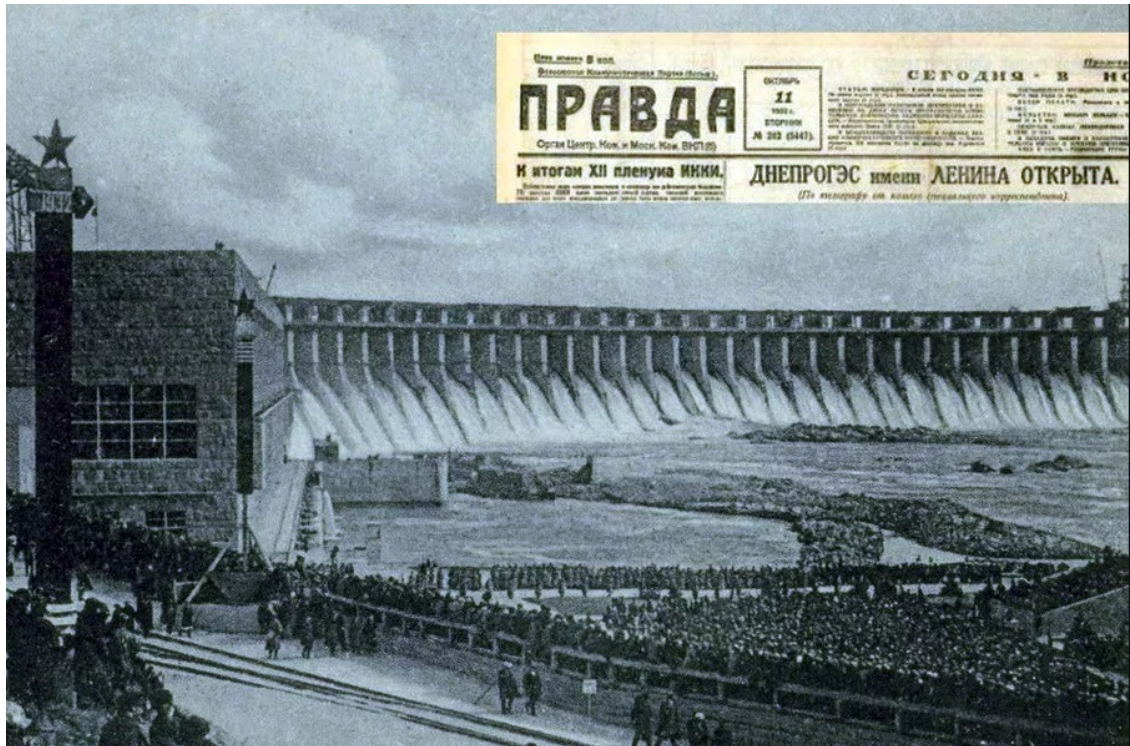

Рис. 5. Открытие (запуск) ДнепроГЭС – праздник всего советского народа

Во-вторых – Магнитка (Магнитный металлургический комбинат (ММК) в Челябинской области – с нуля вырос металлургический гигант. Стране была нужна сталь. Много стали! Первые плавки начались в 1932 году. Вместе с домнами и с прокатным станом построили новый город – Магнитогорск. Пусть на первых порах с общежитиями в бараках, столовыми вместо ресторанов. Тяжело, но «железо» пошло.

Рис. 6. ММК 1932 год

В-третьих - Кузнецкий металлургический комбинат в городе Новокузнецк (Кемеровская область). Заводов должно быть много. Заводы должны быть рядом с источниками сырья и потребителями. Так родилась идея строительства ещё одного металлургического гиганта на востоке страны. Руду везли с Урала, уголь – из Кузбасса, а между ними – транспорт и заводы.

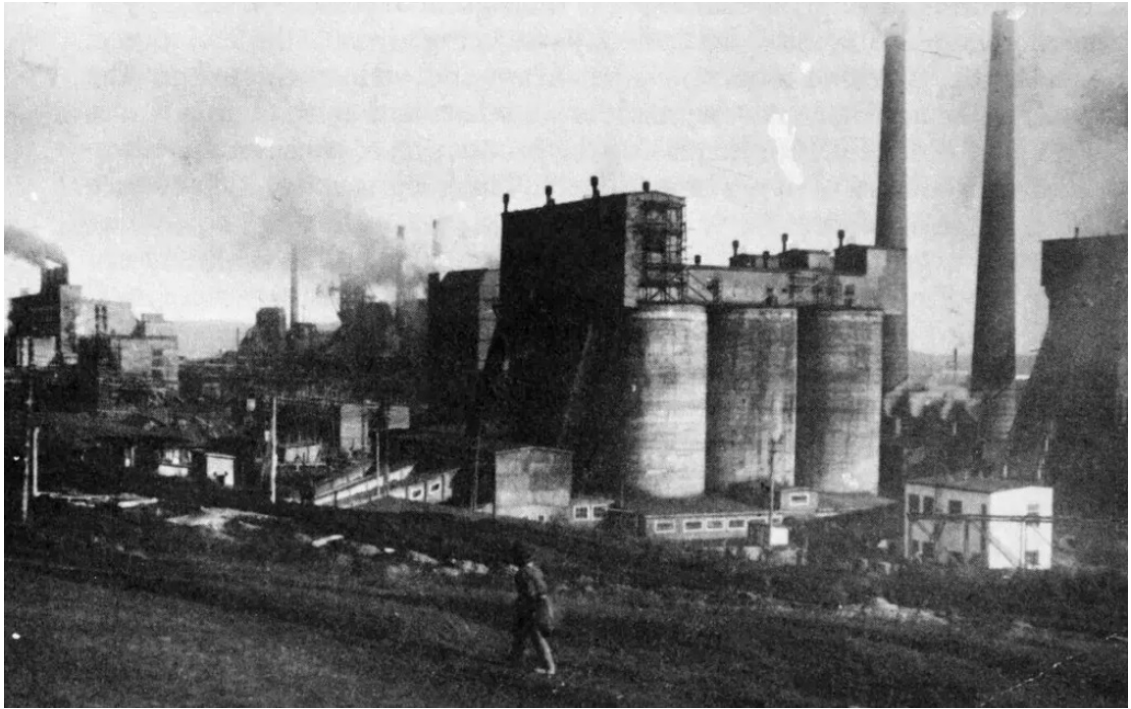

Рис. 7. Кузнецкий металлургический комбинат имени Сталина

Четвёртая ударная стройка – Уралмаш (тогда г. Свердловск, ныне Екатеринбург). Завод по выпуску машиностроительного оборудования, обеспечивал машиностроение тяжёлого класса. Монтаж оборудования шёл как раз в конце пятилетки, первые изделия пошли к 1933-му. Дальше завод станет «кузницей» для всей индустрии.

Рис. 8. Завод Уралмаш

Большое внимание уделили автостроению и началу выпуска советских тракторов: Что успели создать?

Горьковский автомобилестроительный завод (ГАЗ) в городе Горьком (Нижний Новгород). Предприятие заработало в 1932-м году.

Сталинградский тракторный завод в г. Сталинград (Волгоград). Запущен в 1930-м году. Харьковский тракторный – 1931-й.

На заводах внедрены конвейеры, что позволило поднять производительность труда и обеспечило массовый выпуск продукции для народного хозяйства и армии.

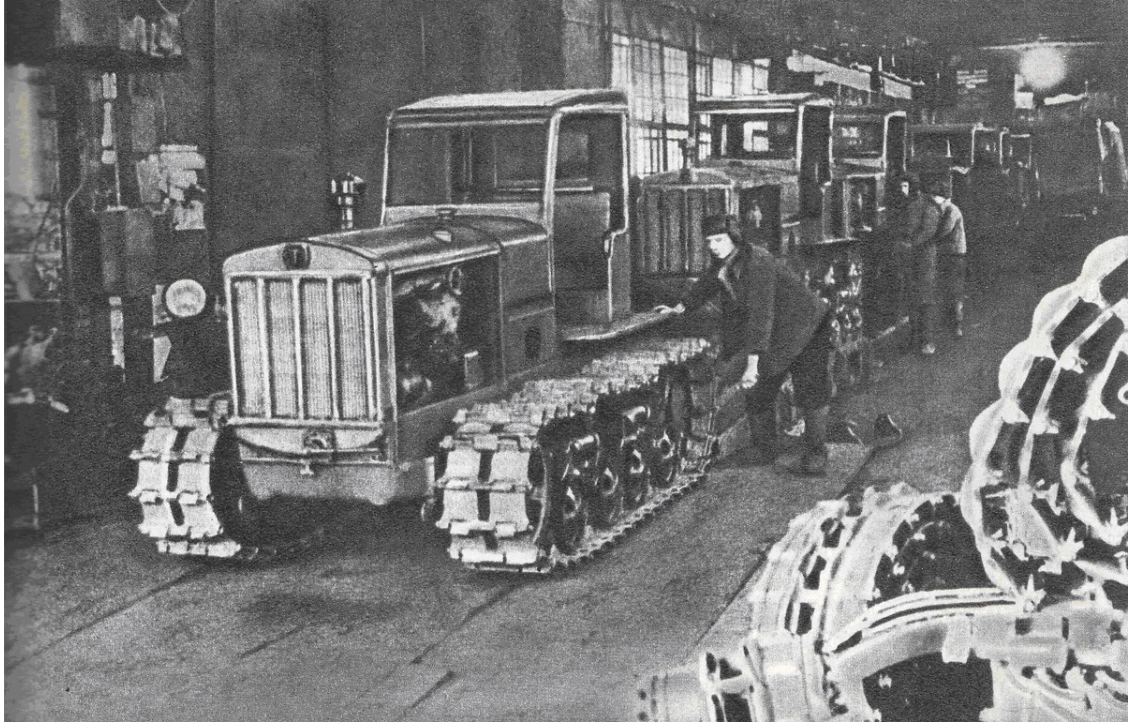

Рис. 9. Сборка тракторов на конвейере на Сталинградском тракторном заводе

Рис. 10. Горьковский автозавод 1932 г.

Рис. 11. Первая продукция Харьковского тракторного завода
Развитие транспортной инфраструктуры страны

Ключевые участки Туркестано-Сибирской железной дороги (Турксиб) сданы в 1930 – 1931 гг.). Дорога позволила соединить хлопководческие регионы с центральными промышленными районами. Обеспечить южные регионы углём и зерном, а текстильную и пороховую промышленность сырьём.

Рис. 12. Строительство Турксиба

Одной из важнейших строек для страны стало строительство Беломорканала, которое, в основном, было завершено в 1933-м году. Беломорканал строили в основном заключённые. Быстро и страшно. Да, формально окончание этой великой стройки «влезает» во временной коридор. Соединение Белого и Балтийского морей позволило сократить время перевозки грузов и избежать прохождения судов вдоль «вражеской» территории. Значение этой стройки переоценить не возможно, но заплаченная человеческими жизнями цена была огромной.

Рис. 13. Строительство Беломорканала

Параллельно шли десятки «незаметных» объектов: ТЭЦ, рудники, цементные заводы, карьеры, линии электропередачи. Без них никакая «магнитка» не заработала бы.

Великие стройки потребовали перемещения большого количества населения. Главным бытовым сюжетом стала миграция населения. Село поехало в город и на освоение новых девственных территорий. Вчерашний крестьянин сегодня в каске и с производственным нарядом на смену. Жильё – в дефиците, бараки – норма, коммуналки – роскошь. Карточки, очереди, спецраспределители для «ударников» и инженерно-технических работников. На этом фоне рождаются новые привычки: столовые, клубы, кино для рабочих, вечерние техникумы.

Рис. 14. Рабочий барак (казарма)

Параллельно с индустриализацией запустили коллективизацию. Тракторные заводы дают технику, а в деревне создают колхозы. Каждому колхозу трактор не дашь, поэтому отдельно создают сельское промышленное предприятие – Машино-тракторную станцию (МТС), которая обеспечивает машинное проведение сельскохозяйственных работ. Но цена всего этого – раскулачивание крепких единоличных хозяйств, насилие, срыв хозяйственной логики и страшный голод 1932 – 1933 годов в ряде регионов. Это нужно проговаривать честно: индустриальные цифры выросли и во многом за счёт того, что село «выжали» до предела.

Великие стройки потребовали большого количества грамотных инженерно-технических Работников. Инженеры были, но их было мало, мастеров - тоже. Учить приходилось «на ходу». Отсюда – аварии, брак. В этот период зародилась «традиция» отчитываться о трудовых успехах к очередной знаменательной дате. А если не успевали то прибегали к так называемой «штурмовщине», часто во вред делу, но обязательно к дате. Тысячи людей, среди них беспризорники, в это время получают реальную профессию: слесарь, сталевар, монтажник, крановщик. Социальные лифты работают грубо, но работают: вчерашний пастух завтра – мастер смены, послезавтра – начальник цеха.

Успехи того времени подтверждают сухие цифры статистики. Без них не обойтись, но и их надо проверять и сопоставлять для получения объективной картины.

За годы первой пятилетки выпуск угля, стали, электроэнергии вырос в разы. Официальные графики рисовали крутые траектории. Реально: где-то удалось, где-то подвисло; вводы часто переносили, планы «резали» по дороге. Но к 1932 – 1933 гг. в стране появились опорные точки индустрии, которых раньше не было вовсе.

В стране была ликвидирована безработица, кроме работы и гарантированной оплаты труда население страны смогло получить квалификацию и возможности карьерного роста. Массовая квалификация в промышленности – это новое явление для России.

Страна получила доступ к электричеству не только в сфере транспорта и промышленности, но в быту, была построена современная промышленная и гражданская инфраструктура.

Во многих населённых пунктах керосиновые лампы стали заменяться электрическим освещением. Мощные электромоторы приводили в движение первые электровозы, во многих городах проложили трамвайные пути, электродвигателями обзавёлся и станочный парк. Свет и мощность под новые производства, города и транспорт.

Были построены новые города: Магнитогорск, Новокузнецк, Комсомольск-на-Амуре – это не только точки на карте, это новая городская культура.

Но одновременно с проблесками светлого будущего люди столкнулись с дефицитом товаров и жёстким режимом, при котором в «случае чего» применялись методы жесткого принуждения и лагерный труд на благо социализма. Многие стройки были начаты и завершены с использованием труда заключённых. Потребительский сектор задушили ради «тяжёлого». Люди получили заводы, но не получили обувь и мясо в нужном объёме.

Борьба с «кулачеством» привела к сельской катастрофе. Во всей стране разразился голод, и для того, что бы спасти город жёстко и с перегибами на местах обиралась деревня. И это не страшные сказки – это страшная быль.

Возникает вопрос: Как же нам ко всему этому относиться?

Первая пятилетка – не легенда, а реальный подвиг народа, основанный на воодушевлении и вере в светлое будущее. Первая пятилетка это ужас трудовых лагерей, но это не ужас без конца.

Первая пятилетка – это резкий перелом с большими стройками, резким ростом тяжёлой промышленности и большими человеческими жертвами. Если убрать эмоции, останется честный баланс:

Плюсы: промышленный каркас, энергия, транспорт, новые компетенции (умения).

Минусы: дефицит продукции для людей, насилие при коллективизации, аварийность, лагерная составляющая.

В итоге получаем достаточно простой вывод: индустриальный рывок случился – его видно и по картам, и по заводским книгам. Но считать его «чистой победой» нельзя. Цена включена в чек: деревня, здоровье людей, качество жизни. Понимать это важно, чтобы не путать строительство экономики с строительством нормальной повседневности – это разные темпы и разные подходы.

В итоге первая пятилетка заложила фундамент индустриальной страны. Фундамент крепкий, но залит в спешке и с трещинами. И если говорить о наследстве, то оно двойное: мощные заводы и длинная тень социальных проблем. Знать и признавать обе стороны – честнее, чем спорить, «правильно» это было или «неправильно».

Две статьи И.В.Сталина: «Год великого перелома» и «Головокружение от успехов»

Рис. 15. Агитация по вступлению крестьянства в колхозы

Статья «Год великого перелома» написана И.В.Сталиным к двенадцатой годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции и опубликована в газете Правда 7 ноября 1929 года.

Статья «Головокружение от успехов» – в марте 1930 г.

Между выходом этих двух одиозных статей, опубликованных в главном печатном органе большевиков – газете «Правда», посвящённых колхозному строительству, прошло менее четырёх месяцев. Что же произошло в экономике страны, раз названия сталинских статей перестали быть восторженно-пафосными и приобрели отрицательную коннотацию (Коннотация – это дополнительный смысл или эмоциональный оттенок, который слово несёт помимо своего основного, словарного значения)?

В конце 1928 г. руководством страны был провозглашён курс на форсированную индустриализацию и коллективизацию страны. Ранее на селе во времена НЭПа уже существовали разные формы кооперативного хозяйствования, которые могли быть в виде коммуны, товарищества по обработке земли или артели. Правда, их количество было мизерным – от 2 – 4% среди единоличных крестьянских хозяйств. Средство производства – земля – в то время была собственностью государства, но она передавалась в вечное пользование тем, кто её обрабатывает. Государство сделало ставку на артельную форму обработки земли, которая и стала называться колхозом.

Рис. 16. Сталин, Бухарин и Рыков на XV съезде ВКП(б) 1927г. Съезд обозначил курс на индустриализацию и коллективизацию

В 1929 г. началась тотальная коллективизация в зернопроизводящих районах СССР. Первоначально на местах стали создавать коллективные хозяйства в форме коммун, в которых степень обобществления была максимальной. То есть общей собственностью становилась не только земля, скот, птица и приусадебные участки, но и личное имущество членов коммун.

Именно эти действия местных властей вызвали серьёзное сопротивление значительной массы крестьян. А низовая партноменклатура отчиталась в центр, что колхозы созданы в срок, но по факту это были «бумажные» колхозы, существовавшие только в их отчётах. Поэтому, не владея всей информацией, опираясь именно на эти отчёты, Сталин и написал 7 ноября 1929 г. статью «Год великого перелома». В статье утверждалось, что осуществлён переход «от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию, к совместной обработке земли к артелям, колхозам», то есть считалось, что в колхозы пошёл «середняк» – основная масса крестьянства, ибо при НЭПе в основном бедняки («безлошадники») объединялись в коллективные формы обработки земли.

Но вскоре Сталин получил подробную правдивую информацию из альтернативных источников, в том числе от известных общественных деятелей и представителей культуры, к примеру, писателя М.А.Шолохова. Поэтому 2 марта 1930 г. и вышла новая статья Сталина «Головокружение от успехов», где критике были подвергнуты местные представители партноменклатуры за те перегибы и недочёты в процессе коллективизации, которые они допустили.

Рис. 17. Агитплакат

14 марта 1930 г. выходит постановление «о борьбе с искривлениями в партлинии в колхозном движении», где были разобраны конкретные ошибки местных руководителей и даны чёткие рекомендации, как их исправлять. И вот после этого началось именно колхозное строительство в ходе коллективизации.

Никто не застрахован от ошибок, но мудрость руководителя страны заключается в том, чтобы вовремя их признать и исправить. Конечно, антисоветчики все мажут черной краской не пытаясь разбираться в нюансах, демонизируя любые инициативы власти. Однако, если мы будем просто опираться на здравый смысл, то поймем, что невозможно десятки миллионов

крестьян насильно загнать в колхозы без их желания, не развязав Гражданскую войну. В итоге результаты говорят сами за себя. Коллективизация позволила накормить страну и дала сельхоз базу для победы в Великой Отечественной войне.

Ну а теперь примеры с мест:

В 1927 году был провозглашён курс на коллективизацию. Для усиления руководства Дона и Северного Кавказа сюда был назначен А.А.Андреев (1895 – 1971 гг.) Андрей Андреевич участник революционных событий в Петрограде. В 20-х годах один из руководителей профсоюзов. В 1927 – 1930 гг. руководил Северо-Кавказским крайкомом партии. А.А.Андреев откровенно заявил в марте 1928 года, что *«без органов ОГПУ край пропал бы, т.к. у нас хлеб заготовляло ОГПУ под руководством партии, чем наша кооперация»*.

В первые месяцы 1928 года в крае из числа осужденных за сопротивление хлебозаготовкам было 739 кулаков и 1 535 середняков и бедняков. Был разоблачён целый ряд так называемых «кулацких группировок». Власти сознательно шли на обострение ситуации, обоснованно надеясь на выявление всех потенциальных и явных противников для формирования условий по переходу к сплошной коллективизации. Именно товарное хозяйство могло обеспечить необходимое количество зерна, экспортируемого за границу вместе с другим сырьём. Это обеспечивало валютные средства для покупки столь необходимых для развития промышленности машин и оборудования.

К началу ноября 1929 года 21% всех индивидуальных хозяйств на Дону были вовлечены в колхозы. Но основная часть казаков и крестьян, особенно так называемых «крепких хозяев», отнюдь не была настроена добровольно объединяться в коллективные хозяйства.

5 января 1930 года было принято постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Оно относилось Северный Кавказ, а, следовательно, и донские округа, к важнейшим зерновым районам страны, коллективизация которых должна была завершиться к осени 1930 г.

Эти установки предопределяли формы и методы проведения коллективизации: сначала пропаганда преимуществ колхозов, затем запугивание угрозой раскулачивания, наконец, конфискация имущества кулаков, на основе сведений полученных от информаторов из бедноты (последних стимулировали доносить на односельчан премированием).

На Дону политика ликвидации казачества как класса была сопряжена с откровенно антиказачьими акциями. Принадлежность к казачеству, особенно участие в Гражданской войне на стороне белых, могли служить основанием для зачисления в разряд кулаков и «подкулачников», подлежащих репрессиям. В феврале – марте 1930 года в округах Дона было ликвидировано 13 – 14 тыс. казачьих и крестьянских хозяйств, отнесённых к кулацким, что составило 3 % всех хозяйств Дона.

К концу января 1930 года 65,5 % казачьих и крестьянских хозяйств Дона были вовлечены или загнаны в колхозы. Широкое использование методов принуждения, политика раскулачивания, организационно-хозяйственная неразбериха, царившая в напех сколоченных колхозах, не могли не породить сопротивление крестьян процессу сплошной коллективизации. Показательные массовые выступления крестьян и казаков произошли в Сальском, Донецком и других округах зимой 1930 года. В ходе этих выступлений выдвигались лозунги «За советскую власть без коммунистов и без колхозов». Подобные выступления стали составной частью крестьянского протеста по всей России.

Информация о такой реакции крестьянства побудило большевистское руководство прибегнуть к манёвру. В марте 1930 года появилась статья И.Сталина «Головокружение от успехов» и Постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», в которых основная ответственность за преступные действия в отношении крестьянства была лукаво возложена на местные кадры. Крестьяне и казаки наивно расценили опубликованные документы как свидетельство отказа верхов от политики сплошной коллективизации.

Начался массовый выход из колхозов. Зимой 1930 – 1931 гг. был развёрнут новый этап сплошной коллективизации. К весне 1931 года в колхозы Дона «кнутом и пряником» было вовлечено 80,5% крестьянских хозяйств, что позволяло считать сплошную коллективизацию завершённой.

Теперь что удалось узнать о колхозном строительстве в станице Старочеркасской. Это в основном собирательская работа среди жителей станицы и воспоминания одного из первых комсомольцев Матёкина В.Д. После установления Советской власти в станице был создан ревком. Первым его председателем стал станичник, участник русско-японской войны и обороны Порт-Артура, полный георгиевский кавалер Стрепетков Михаил Иванович. Воевал он и на полях Первой мировой войны. Это, пожалуй, единственный, казак станицы, кто активно поддержал Советскую власть. К этому времени в станице обосновались на постоянное место жительства несколько человек, участвовавших в Гражданской войне в составе Красной Армии и проходивших здесь с боями. Это были коммунисты; Суворов Николай, Гуров Алексей, Малейко Кузьма, Пономарёв Николай, Бруславский Илья и др. Всего 7 человек. Здесь они обзавелись семьями, получили земельные наделы. Они и стали ядром для формирования Советской власти в станице и организации органов её управления. С избранием станичного совета, первым его председателем стал бывший матрос Балтийского флота, член партии большевиков с дореволюционным стажем, участник Гражданской войны, Гуров Алексей Петрович. На Ратном кладбище станицы Старочеркасской есть интересная могила. Надпись на ней гласит:

«Полугуцев Афанасий Иванович
Родился в 1900 году
Зверски убит врагами
Советской власти в 1929 году»

Мы в своё время встречались с Полугуцевым Гавриилом Семёновичем 1908 года рождения, который вот что рассказал нам о создании колхоза. По его словам колхоз образовался в январе 1930 года. Носил имя Никольского, первым его председателем был Пономарев Николай Александрович. Члены правления: Полугуцев Г.С.; Маминов П.В.; Цепина В.М.; Татаркина О.М. В середине марта было восстание против колхозов. Его подавлял 48 полк из Новочеркасска. Центр восстания был в Алитубе. Вот как вспоминала об этом жительница станицы Старочеркасской Мищенко Анна Васильевна: *«Первыми не выдержали женщины. 200 женщин хутора Алитуб переправились через Дон и появились у нас в Слободке. Все они были возбуждены, кричали, перебивая друг друга. Несколько женщин вошли к нам во двор и стали уговаривать мать идти бить председателя. Мать отказалась. Они увели с собой председателя сельского совета. После их всех посадили в Новочеркасскую тюрьму. Просидели они недолго. Вскоре их всех отпустили».*

В 1933 году в станице появился первый трактор. Активисткой при создании колхозов в хуторе Рыков была Аверкова Ульяна Андреевна. Вторым колхоз в станице был имени Шеболаева. Шеболаев Б.П. – в 1930-е годы первый секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). Репрессирован в 1937 году. Центральная часть станицы – два колхоза: Никольский (левая сторона) и Кировский (правая сторона). После войны соединили в один и назвали «Знамя коммунизма».

В колхозе им. Никольского бригадиром был Козорезов Михаил Васильевич. Это была комсомольско-молодежная бригада, которая насчитывала 75 человек. Агрономом в этом колхозе был местный казак, член правления Савельев В.Г.

В хуторе Задон колхоз был организован в 1929 – 1930-х гг. Носил имя «17 партконференции». Первым председателем был Бруславский Павел Арсеньевич. Занимались на хуторе огородничеством. Никакой техники не было. Всё делалось вручную. Полеводческая бригада выращивала пшеницу, ячмень. Обработывали землю лошадьми и быками. Сено косили косилками, хлеб лобогрейками.

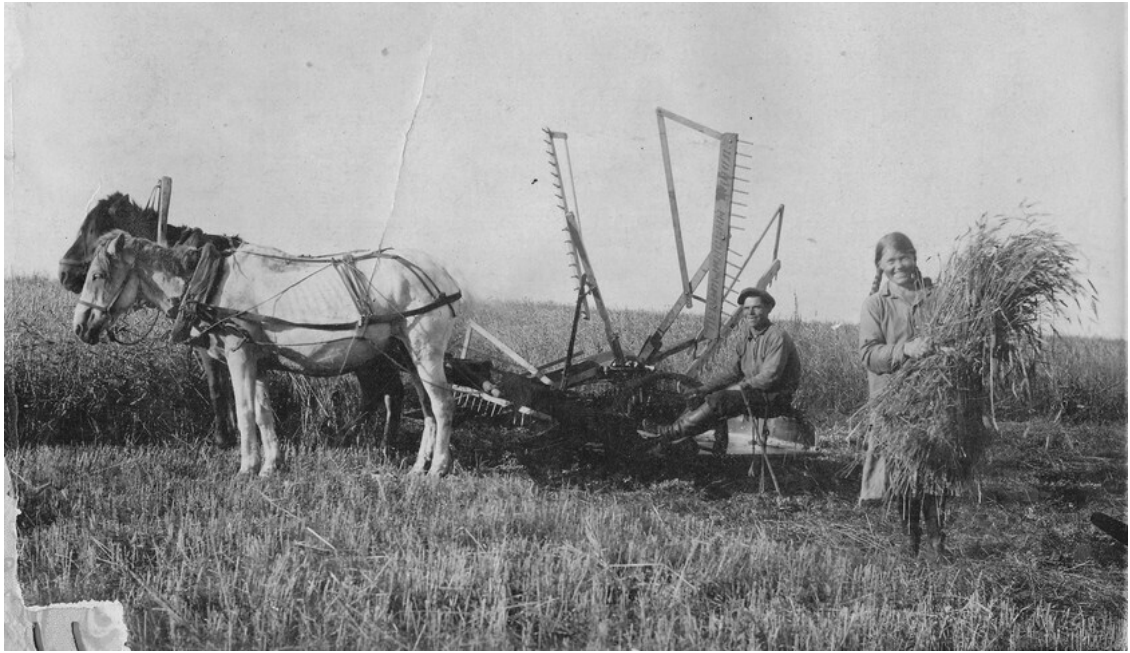

Рис. 18. Конная жатка (лобогрейка)

Первую партячейку организовал в 1921 году Стрепетков М.И. В годы коллективизации комсомольцами были: Матёкин В.Д., Полугуцев Г.С., Пономарёв Георгий, Вишневецкий Василий, Ковалёв Федор, Слесаренков Петр, Гурбанов Афанасий, братья Шейкины Владимир и Борис. В период коллективизации комсомольцы были разделены по группам, которые проводили эвакуацию кулацких семей. С помощью работников райкома партии и комсомола, несли в народ идеи ленинского кооперативного плана, организовывали соревнования между бригадами в колхозе. Вот так начиналось строительство колхозной жизни.

Голод в СССР 1932 – 1933 годов и его причины

Рис. Жертвы голода 1932 – 1933 год в Поволжье

В 1932 году на территории СССР свирепствовал массовый голод. Еды не хватало на Урале, Поволжье, Сибири, Казахской АССР, Украинской ССР, Белорусской ССР. Голодал не только город, голодала деревня. Причин массовой гибели населения 1932 – 1933 года было несколько.

Одной из причин был «человеческий фактор». Об этом писал Н.Ивницкий в своей книге «Голод 1932 – 1933 годов», в результате коллективизации предполагалось ликвидировать эксплуатацию в деревне и обеспечить за счет крестьянства дополнительную рабочую силу для освоения природных ресурсов страны». Объединение в колхозы должно было происходить на добровольных началах, без принуждения. На деле же все оказалось совершенно по-другому. Проводившие коллективизацию местные власти, взялись за дело так рьяно, что создали в ряде областей ситуацию «гражданской войны». Например, первый секретарь Средне-Волжского крайкома партии Мендель Хатаевич в начале 1930 г. спровоцировав местные силовые органы на тотальное насилие над кулаками, фактически привел регион к ситуации социальной войны. Когда Москва получила информацию об этом, Сталин сделал выговор лично Мендель Хатаевичу и направил всем партийным секретарям телеграмму с требованием сосредоточить усилия на развитии колхозного движения, а не на голом раскулачивании. Сталин требовал экономического раскулачивания: экономические более сильные, чем отдельный кулак или их группа на селе, колхозы вынуждали кулачество прекратить свою деятельность ввиду неспособности конкурировать в хозяйственной деятельности. Но власти на местах продолжали бороться с зажиточными крестьянами путем силы. В некоторых регионах процент раскулаченных вырос до 15 %, что означало 2 – 3 кратное превышение цифры реальной численности кулаков. Рас-

кулачивали середняков. Вполне естественно, что кулаки и часть примкнувших к ним середняков, ответили. В деревне началась сильная пропаганда против вступления в колхозы.

Стал возникать так называемый «тихий саботаж» крестьян, которые вступили в колхозы зимой 1931 – 1932 и зимой 1930 – 1931 года. Крестьяне привыкли работать на себя и не хотели работать на колхоз. Они считали, что пусть работает сосед, раз все общее. Крестьяне не понимали, что от каждого зависел общий результат. После «тихого саботажа» весной и летом 1931 года голодомор не случился, то только за счет старых запасов. Зимой 1932 – 1933 годов запасов продовольствия уже не было.

Голод в большинстве сел и деревень европейской части СССР стал неизбежен. Урожай 1932 года составил 69.9 миллионов тонн, в 1931 году – 69.5 миллионов тонн, два неурожайных года подряд и привели к «голодомору» 1932 – 1933 годов. Для сравнения урожай 1930 года – 83.7 миллионов тонн, урожай 1933 года – 89.8 миллионов тонн, 1934 года – 89.4 миллионов тонн, 1935 года – 92 миллионов тонн.

Другой, причиной голода являлось негативное отношение к «кулакам». Наиболее богатые и работоспособные крестьяне были раскулачены. Около 2,4 млн. крестьян были насильственно вывезены в отдалённые районы страны. Примерно 390 тыс. из них при этом погибли.

Следующей предпосылкой голода стало обобществление скота. В результате попыток принудительного отбирания скота, крестьяне начали его массовый забой. Число коров в СССР сократилось с 26 миллионов к началу 1930 года до 19 миллионов к началу 1933 года. Еще больше, чем коров, порезали волов и лошадей, что сказалось на качестве посевной 1932 года. В связи с этим сократились площади посевов. Крестьяне не укладывались в сроки посевной. Сев затянулся до конца июня. Число лошадей сократилось с 30 миллионов к началу 1930 года до 16 миллионов к началу 1933 года.

Огромное количество самых молодых и работоспособных крестьян бежали в города. Рост городского населения в 1929 – 1931 годах составил 12,4 млн. человек, что в несколько раз выше естественного прироста населения.

Кроме вышеуказанных причин голода, были и другие причины. В частности, в Поволжье стояла сильная жара, что привело к засухе. Аналогичная погода была в Казахстане и в восточной части Северного Кавказа. Сильная жара под 35 градусов, практически без дождей стояла с июля по август. В начале августа суховеи усугубили ситуацию в Поволжье и в Казахстане. В некоторых районах данных регионов урожай был полностью уничтожен. Неурожай в России были частым явлением, т.к. территориально страна находится «в зоне рискованного земледелия». Засуха 1932 года сыграла свою драматическую роль на Украине.

Согласно статистическим данным, в СССР смертность от голода в 1932 – 1933 годах выросла на 2,5 – 3 миллиона человек. Это конечно очень много, но не 7 – 8 миллионов, как заявляют «спекулирующие» на общей беде народов Советского союза.

Для обеспечения строек пятилетки продовольствием председателям колхозов были даны указания сдавать весь имеющийся в наличии хлеб, что и было выполнено. Остатки хлеба у крестьян отбирали силой, также скатываясь до применения насилия и садизма. Видя происходящее в деревне, Шолохов написал Сталину письмо.

Вот ответ на это письмо И.В.Сталин в письме от 6.05.1933 г. писал:

«Дорогой товарищ Шолохов!

Оба Ваши письма получены, как Вам известно. Помощь, какую требовали, оказана уже.

Для разбора дела прибудет к вам, в Вешенский район, т. Шкирятов, которому – очень прошу Вас – оказать помощь.

Это так. Но это не всё, т. Шолохов. Дело в том, что Ваши письма производят несколько одностороннее впечатление. Об этом я хочу написать Вам несколько слов.

Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют неча-

янно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я во всём согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите неплохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма – не беллетристика, а сплошная политика), надо обзреть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили «итальянку» (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную армию – без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), – этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели «тихую» войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов

Конечно, это обстоятельство ни в какой мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками. И виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание. Но всё же ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло бы показаться, издали.

Ну, всего хорошего и жму Вашу руку.

Ваш И. Сталин».

Итог был печален – сотни тысяч погибших. Однако это была лучшая альтернатива, чем новая крестьянская война, гражданское противостояние и внешняя интервенция.

Почему Сталин не попросил помощи у иностранных государств? Основная причина – это неприязнь экономически развитых стран к коммунистическому Советскому союзу. К тому же, в это время к власти приходит Гитлер, Европа направлена на фашизм. Были и чисто экономические причины, у страны не было достаточного количества валюты.

Вопреки бытующему мнению, что во время голода 1932 – 1933 годов СССР очень дешево и в больших количествах продавал зерно за границу нужно отметить, что на самом деле экспорт зерна в это время был прекращён. Резко снижены планы хлебазаготовок. Голодающим районам была предоставлена экстренная помощь. В частности, учитывая тяжелейшую ситуацию в республике Украина, сложившуюся зимой 1933 года, Совнарком СССР ЦК ВКП(б) приняли 25 февраля 1933 года специальное постановление о выделении из государственных резервов продовольственной помощи Украине. Ей была предоставлена продовольственная, семенная и фуражная ссуда в размере 35 190 000 пудов зерна. Продовольствие выделялось из неприкосновенного и мобилизационного фондов. Кроме того, из общесоюзного фонда до конца апреля 1933 года в республику было направлено 22,9 млн. пудов семенного зерна, 6,3 млн. пудов фуражного и 4,7 млн. пудов продовольственного зерна в качестве займа и 400 тыс. пудов продовольственной помощи.

Подводя итог можно сказать, что в данной ситуации многое зависело от действий местных властей. Люди, допустившие голод, поплатились за это. Они попали под каток репрессий 1937 года.

Конечно, саботаж крестьян и то, что порезали лошадей, коров, стало косвенным следствием коллективизации. Косвенным, а не прямым. Но без коллективизации невозможна была индустриализация. А без последней невозможно было ликвидировать отставание на 70 – 100 лет от ведущих стран мира, что стало бы неминуемой причиной гибели страны в результате неизбежной войны с западом.

Накормить страну частник не мог, страну могли накормить только крупные сельхозпредприятия: колхозы и совхозы. Которые в состоянии были использовать технику, частникам это было не под силу из-за бедности. Да и невозможно техникой обрабатывать крошечные лоскутки земель частников.

Борьба с церковью и религией

Рис. 19. Изъятие церковных ценностей

Русская православная церковь (РПЦ) до революции 1917 года была клерикальной и занимала привилегированное положение. За многовековой период ее существования был создан государственно-церковный монолит, сущность которого обосновал С.Уваров в официальной формуле «Православие. Самодержавие. Народность». В условиях советской власти РПЦ была лишена всех прав и поставлена в жесткие рамки выживания. Наступила эпоха государственного атеизма. В определенной мере это можно объяснить трансформацией морально-этических установок раннего христианства, позицией церкви, которая сама стала обладателем крупных наделов земли и получила крепостных крестьян, таким образом церковь в царской России стала таким же эксплуататором крестьянства, как и помещики. Даже до революции церковь защищала интересы господствующих классов в ущерб интересам простого народа. Н.А.Бердяев писал, что историческое христианство изменило первоначальным идеалам справедливости, добра, равенства людей (христианского социализма) и, постепенно перерождаясь, впало в греховность, оправдывая зло и насилие господствующей элиты. Это вызывало протест народа и привело к появлению атеизма в разных его формах.

Рис. 20. Ярославль. Начало XX века

На протяжении многих столетий взаимоотношения власти и религии складывались и определялись уровнем политического и социально-экономического развития общества. Религия как форма общественного сознания способствует формированию мировоззрения, морально-этических норм верующих, представляет духовную культуру народа. Государство, учитывая силу влияния и многоплановость функций религии, использовало конфессиональные организации в целях воздействия на людей. Советская власть с первых лет своего существования изменила отношение к религии.

Рис. 21. На строительстве храма Христа Спасителя

Советская власть, учитывая приверженность населения религиозным традициям, объявила о свободе совести, что давало возможность верующим не опасаясь преследований соблюдать религиозные культы или встать на позиции атеизма.

Уже 23 января 1918 года Советское правительство опубликовало декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», который провозглашал принципы свободы совести. Согласно декрету каждому человеку предоставлялось право исповедовать любую религию или не признавать никакой. Однако в реальности свобода вероисповедания была сопряжена с трудностями, которые возникали в связи с проводимой большевиками политики непримиримого отношения к религии. Коммунистическая партия, придя к власти, в своем программном документе потребовала от своих членов бороться с религией как чуждой и даже вредной идеологией в деле построения социализма. Лидер партии большевиков В.И. Ленин заявлял о необходимости наступления на религию как классового врага и ставил задачи преодоления религиозных предрассудков трудящихся. Для этого в 1920 году после спада Гражданской войны были созданы агитационно-пропагандистские отделы (АПО), в обязанность которым вменялось проведение антирелигиозной работы среди населения.

Рис. 22. В.И.Ленин на митинге

В 1922 году вышла в свет статья В.И.Ленина «О значении воинствующего материализма», которая явилась теоретической разработкой и стратегической установкой государственного атеизма. Самим названием статья нацеливала на воинствующий атеизм, давала установку на преодоление религиозного вероучения и господство материалистического мировоззрения. В целях преодоления религиозных предрассудков предлагалось использовать в агитации и пропаганде научно-просветительную работу и усилить критический материал, касающийся церкви и духовенства.

В связи с отсутствием квалифицированных кадров и стремлением партийных и советских работников быстрыми темпами «покончить» с религией началась «вакханалия» по отношению к духовенству и верующим. Принципы свободы совести от заявленного гуманного, толерантного отношения к верующим трансформировались в политику воинствующего атеизма. Вопрос борьбы с религией был перенесен из идеологической области в сферу практических действий: закрытие и уничтожение храмов, культовых аксессуаров, представлявших шедевры искусства и памятники старины, гонение верующих и репрессии духовенства.

Необходимо уточнить, что церкви не осталась в стороне от классовой борьбы. В подавляющем большинстве служители церкви в той или иной степени поддерживали белое движение и монархистов, и, на основании этого, они становились классовыми врагами Советской власти, с которыми ей приходилось бороться. **À la guerre comme à la guerre** (На войне как на войне).

Рис. 23. Изъятие церковных ценностей (зерно)

АПО рекомендовало антирелигиозную работу проводить в тесной связи с задачами социалистического строительства культурной революцией, индустриализацией, коллективизацией. Однако взятый курс на форсированное выполнение планов пятилеток так же сказался на применении ударных методов в антирелигиозной работе.

Следует отметить, что в первые два десятилетия после революции стало развиваться антирелигиозное движение, охватившее значительные слои бедняцкой молодежи и части средних слоев населения. Вместе с тем нельзя не указать на фактор сопротивления части населения проводимой антирелигиозной политики. Этим объясняется участие священнослужителей и верующих в Гражданской войне на стороне белой армии, а также выступление против мероприятий советского государства в период изъятия церковных ценностей для помощи голодающим в 1922 году.

Рис. 24. Воинствующие атеисты на развалинах взорванного храма

Оценка изъятия церковных ценностей неоднозначна и вызывает споры. Одна из концепций заключается в утверждении, что советское государство перешло на позиции нанесения мощного удара религиозным организациям в целях уничтожения религии. Другая концепция исходит из тяжелого экономического положения – обрушившийся на Поволжье голод и вынужденное изъятие ценностей храмов для обмена на импортные продукты питания.

Рис. 25. Агитпоезд

Атеистическая работа на каждом этапе советского государства имела свои черты. В годы Гражданской войны это были небольшие «агитки» (листы, плакаты, стенгазеты), выступления агитаторов, концерты художественной самодеятельности. К примеру, добровольческий отряд В.Ф.Сивкова, действовавший в тылу колчаковских войск в 1918 – 1919 годы, в периоды мирных передышек занимался агитационно-пропагандистской работой. Активисты его отряда проводили беседы с населением, выступали с концертами, сочиняли частушки, ставили инсценировки, написанные собственными авторами – Дудницким, Думченко, Кошелевым.

Мероприятия, связанные с расширением атеистической работы, сопровождались рядом законодательных актов по реформированию образования и процесса воспитания, внедрению новой социалистической обрядности, ломке стереотипов мышления старшего поколения. Основными мероприятиями в этой сфере были ликбез, расширение сети начальных школ и открытие их в районах проживания национальных меньшинств, издание учебников на родном языке народов России и др. Необоснованно резкой формой борьбы с религиозными воззрениями стали антирелигиозные кампании. Инициаторами их проведения были союзы воинствующих безбожников (СВБ), созданные в 1924 – 1925 годы под руководством Е.Ярославского. Деятельность СВБ обуславливалась иллюзией партийных, советских работников и революционно настроенной молодежи «одним махом» покончить с религией. В конце 1920-х – начале 1930-х годов СВБ широкомасштабно провели кампании по закрытию церквей, сбрасыванию колоколов (на нужды индустриализации). Это вызвало многочисленные протесты верующих в связи с нарушением принципов свободы совести и прав человека. Советские органы вынуждены были рассмотреть «громкие» дела по закрытию храмов и отменить некоторые скоропалительные решения. Однако процесс борьбы с религией уже набрал сокрушительные обороты.

Рис. 26. Подрыв православного храма

Среди «ударных» и популярных форм антирелигиозных мероприятий были диспуты. Они проводились при скоплении большого числа людей и длились по несколько часов, вызывая интерес слушателей. АПО Центрального комитета предостерегал местные органы не увле-

катся данной формой, поскольку не хватало пропагандистов, способных аргументированно доказать преимущества социалистической идеологии. Нередко лица духовного звания, владея искусством риторики, были более убедительными в своих выступлениях, побеждая партийных ораторов. Вместе с тем следует назвать видных представителей советского аппарата, которые прославились своей эрудицией на диспутах. Большой интерес и популярность вызывали своими выступлениями на диспутах А.В.Луначарский и Е.М.Ярославский, которые хорошо знали библейское и социалистическое учения. А.В.Луначарский в ряде городов проводил диспуты с А. Введенским (лидером обновленцев) и умело оппонировал, одновременно критикуя и указывая на слабые стороны обновленцев и староцерковников. В Перми и Екатеринбурге диспуты, в которых участвовал Луначарский, длились по пять-шесть часов. На эти диспуты стремились попасть толпы людей, они пробуждали интерес слушателей к истории и становлению государственно-церковных отношений, вызывали множество вопросов, порой втягивали в дискуссию отдельные лица.

Основными формами антирелигиозной работы были лекции, беседы, громкие читки атеистической литературы в клубах, избах-читальнях, красных уголках. В газетах и журналах публиковались материалы для лекций и бесед, давались методические рекомендации. Местные пропагандисты, накапливая опыт работы с населением, разрабатывали циклы атеистических лекций с соответствующими методическими рекомендациями. Пропагандист А.Вернеев (г. Пермь), к примеру, рекомендовал читать цикл лекций по трем отраслям знаний: естественнонаучной, марксистской и богословской. Аналогичные чтения цикла лекций проводились во многих регионах.

Рис. 27. Читка в школе

АПО заботились об идейно-теоретическом содержании лекций и периодически рассылали рекомендательные материалы. Уделялось внимание вовлечению в агитационно-пропагандистскую работу активистов из разных страт. Интерес и непреходящую ценность представляют советы начинающему лектору. Суть их заключалась в следующем:

- 1) лекцию читать спокойно и уверенно;

- 2) в содержание включить материал, настраивающий слушателей к размышлениям;
- 3) излагать доходчиво, не увлекаясь виртуозными фразами и пустословием;
- 4) не допускать оскорбления чувств верующих;
- 5) учитывать состав слушателей и дифференцированно подходить к аудитории.

Названные рекомендации свидетельствуют о стремлении пропагандистских органов улучшить идеологическую работу, повысить уровень мастерства лекторов, которые сталкивались в полемике с духовенством.

Духовные лица имели навыки воздействия на паству, они обучались риторике, ведению службы, проведению литургии, тогда как партийные пропагандисты и агитаторы приобретали первый опыт общения с аудиторией. Вопросы идеологической борьбы проявлялись в разной форме. Иногда под видом коммунистических пропагандистов выступали их оппоненты. В Екатеринбургской губернии, например, с лекциями выступал бывший приват-доцент МГУ Э.Ропп, который умышленно указывал на негативные стороны марксистского учения. В Тюменской губернии и Тобольском округе с лекциями и на диспутах выступал религиозный идеолог А.Б.Ярославский, явно компрометируя Е.М.Ярославского. В подобных случаях советские органы административными мерами прекращали «гастроли» лекторов, взгляды которых не совпадали с социалистической идеологией.

Рис. 28. Демонстрация по поводу сноса храма Христа Спасителя

В агитационно-пропагандистской работе все большее значение приобретали лекции. С подготовкой кадров, накоплением опыта и навыков работы с разной аудиторией лекции по содержанию и по форме изложения заняли надлежащее место в атеистическом воспитании. Прошедшие подготовку лекторы находили контакт со слушателями, реагировали на их запросы, материал излагали в контексте хозяйственно-трудовых задач в доходчивой и эмоциональной форме. Тем не менее, данный подход к атеистическому воспитанию нарушался, приобретая порой необоснованно грубые методы борьбы с религией, верующими, духовенством.

ЦК ВКП (б), обобщая опыт идеологической работы в 1928 году, дал критику партийным организациям Украины, Урала, Сибири, которые уделяли недостаточное внимание атеистиче-

скому воспитанию, а потому потребовал улучшить агитацию и пропаганду с учетом преддверия Пасхи. Значительное место в агитационно-пропагандистской работе занимала печать. Ко второй половине 1920-х годов основная масса населения стала грамотной, потому партийные и профсоюзные организации активно проводили подписку на газеты и журналы. В каждом номере изданий публиковались атеистические статьи, неравнозначные по содержанию: научные, резко сатирические и т.д. К примеру, стихи Д.Бедного не отличались глубиной содержания, носили характер грубых выпадов против церкви, духовенства, верующих. Они публиковались в журналах «Безбожник», «Безбожник у станка», «Антирелигиозник» и др. Центральные органы неоднократно давали указания не допускать грубых выпадов против религии и верующих, однако данные директивы издательствами часто игнорировались.

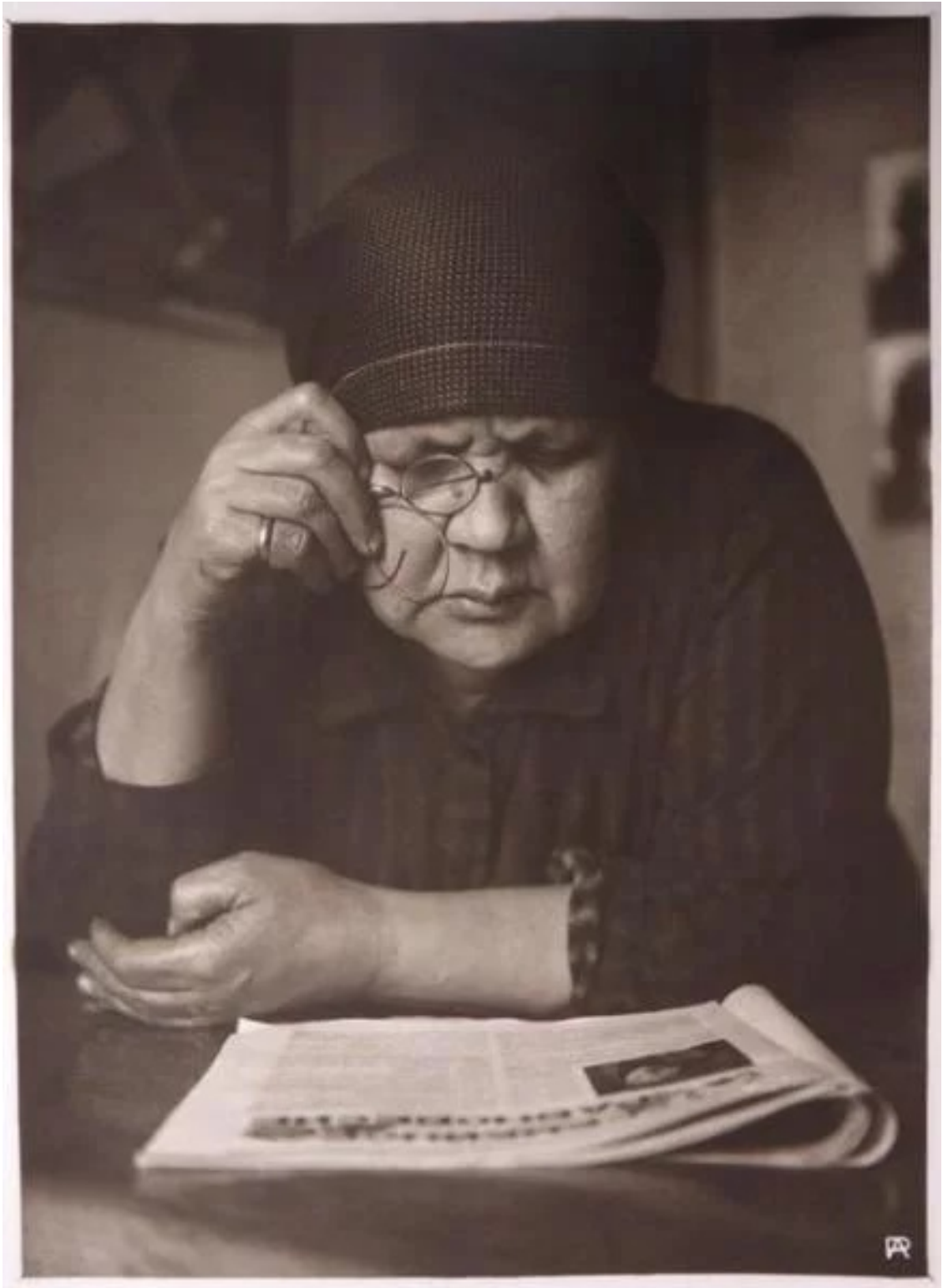

Рис. 29. За чтением журнала

В конце 1920-х – начале 1930-х годов антирелигиозная работа проводилась под лозунгом «Борьба с религией – борьба за социализм». Основная работа проводилась Союзом безбожников, комсомолом и другими общественными организациями под непосредственным руководством партийных комитетов. Действия СВБ и комсомола часто носили грубый, оскорбительный характер. Особенно это проявилось при проведении кампаний «Комсомольское рождество» и «Комсомольская пасха», в которых участвовало значительное количество моло-

дежи. Кампании напоминали карнавальные шествия с антирелигиозными лозунгами, они сопровождались выкриками против духовенства и верующих, а в финале сожжением изображений Бога, культовых аксессуаров и уничтожением церковных атрибутов. Постепенно названные мероприятия уходили с авансцены, уступая место научным лекториям. В 1930-е годы в практику стали входить кинолектории с широкой тематикой по разным отраслям науки, техники, хозяйственно-бытовой жизни. Кинолектории пользовались большой популярностью и спросом у разных слоев населения.

Успехи в выполнении задач пятилеток, развернутое стахановское движение, инициатива комсомола каждому овладеть «техминимумом» знаний привели к отходу части населения от религии. Большая часть духовенства встала на лояльные позиции к Советской власти. Конституция СССР 1936 года внесла изменения в государственно-религиозные отношения. Была предоставлено право голосования верующим и духовенству независимо от вероисповедания. Принципы свободы совести (равно в Конституциях 1977 и 1993 годов) официально сохранили свой статус. В реалии право свободного вероисповедания в советский период было затруднено.

Во второй половине 1930-х годов борьба с религией заметно ослабела. Центр тяжести был перенесен на хозяйственно-экономическую сферу, с одной стороны, военно-спортивную работу – с другой. В среде партийных и советских работников появилось убеждение о естественном отмирании религии по мере укрепления социализма. Подводя итоги 20-летнего периода существования Советской власти в 1937 году, Е.М. Ярославский говорил, что две трети городского и треть сельского населения порвали с религией. Вместе с тем его высказывания вызывают сомнения. Веками существовавшие традиции и обряды не могли так быстро исчезнуть. В семейном кругу, с друзьями и близкими люди продолжали соблюдать религиозные обряды, которые по истечении десятилетий обрели светский характер, но сохранили народный национальный колорит.

Борьба с неграмотностью

Безграмотность доверчива и легкомысленна

Луций Анней Сенека

Рис. 30. Советский агитационный плакат

Устоявшееся мнение, что население царской России было сплошь безграмотным – это миф! Неграмотные были, но с неграмотностью боролись. Попытки создать систему пусть не всеобщего, но массового начального обучения в школе предпринимались в России неоднократно начиная с еще допетровских времен, эффект они имели весьма ограниченный. В 1860–70-х годах доля грамотных в губерниях Центральной России составляла от 1,7% в Псковской до 8,6% в Костромской. К 1880-м, с распространением церковно-приходских школ, уровень грамотности почти дорос до 10%. Страна быстро прогрессировала: перепись 1897 года показала, что доля грамотных более чем удвоилась, превысив в среднем 21% населения. Среди мужчин читать мог почти что каждый третий – 29,3%, – среди женщин – значительно меньше – 13,1%.

К 1917 году грамотными были уже почти половина жителей Центральной России, но в среднем по стране читать, писать и считать умели лишь 43% (70,5% в городе, 37% на селе). Лидировали по грамотности городские мужчины – 80%, отставали сельские женщины – только 23%.

В 1920-м, была учреждена Всероссийская чрезвычайная комиссия – но не та, а отдельная, ответственная за ликвидацию безграмотности. Спустя 10 лет, в июле 1930, руководители партии и правительства догадались, что безграмотность не ликвидировать, если не ввести обязательное начальное образование.

Рис. 31. Советский агитационный плакат

Бороться с безграмотностью в 1920 – 1930-е годы призывали в СССР всех, кто мог хотя бы прочесть текст на плакате

«Безграмотность доверчива и легкомысленна», – говорил в I веке римский философ-стоик Луций Анней Сенека. Не он первый и не он последний, кто замечал, что неграмот-

ными людьми – «доверчивыми и легкомысленными» – легче управлять, чем теми, кто хотя бы просто способен складывать буквы в слова. Именно этим объясняется в частности отсутствие энтузиазма у российских консерваторов конца XIX века, пытавшихся решать задачу создания массовой школы.

Коммунисты 1920 – 1930 годов считали иначе. Они видели в грамотных гражданах своих потенциальных союзников – и придерживались этой точки зрения даже в ситуациях, на которые всеобщая грамотность, казалось бы, слишком многим может открыть глаза.

Постановление ЦК ВКП(б) «О всеобщем обязательном начальном обучении» было принято через двенадцать дней после окончания XVI съезда партии. *«Преодолевая оппортунистические колебания и уклоны, партия на основе последовательного проведения ленинской политики строительства социализма спланирует под своим знаменем все более широкие массы рабочего класса и трудящихся деревни, укрепляет позиции международного пролетариата в борьбе за коммунизм»*, – говорилось в резолюции съезда. В последний день его работы был избран новый состав Центрального комитета. Пленум ЦК 13 июля 1930 обновил состав Политбюро: в него вошли Ворошилов, Каганович, Калинин, Киров, Косиор, Куйбышев, Молотов, Рудзутак, Рыков и Сталин. Трое из десяти – Алексей Рыков, Ян Рудзутак и Станислав Косиор – будут через несколько лет арестованы и расстреляны, а сплочение рабочих и крестьян под знаменем партии пойдет такими темпами, что вокруг больших городов придется выставить вооруженные отряды, чтобы останавливать искавших спасения жертв голода, вызванного, в том числе, и коллективизацией.

Рис. 32. Владимир Ленин и Надежда Крупская стали первыми теоретиками и практиками ликбеза

Но одни задачи не отменяли других: большевики хотели наконец достичь результатов в борьбе с безграмотностью, длившейся второе десятилетие.

25 июля 1930 года ЦК ВКП(б) принял постановление, согласно которому все дети в возрасте от 8 до 10 лет должны были в обязательном порядке получать начальное образование в объеме не менее 4 классов. Приступить предполагалось с 1 сентября. Через два года всеобщее начальное образование планировалось расширить и на 11-леток. Ради этого увеличивались бюджетные ассигнования – прежде всего на строительство, ремонт и оборудование школьных помещений.

Вслед за партией и органы советского государства – Центральный исполнительный комитет советов и Совнарком – 14 августа 1930 года утвердили свое одноименное постановление, которое распространило требование обязательного четырехклассного образования на детей в возрасте с 8 до 15 лет. В городах и поселках к тому времени уже развернулся эксперимент по введению всеобщей семилетней школы, так что новые меры касались главным образом деревни. Семилетка стала общеобязательной в СССР в период с 1933 по 1937 год.

Борьбу с безграмотностью большевики провозгласили своим приоритетом в первые же годы пребывания у власти. Сначала речь шла о советской России – СССР будет создан только в декабре 1922 года. Первый декрет Совнаркома РСФСР «О ликвидации безграмотности» приняли 26 декабря 1919 года. Через полгода, 19 июля 1920 года при Народном комиссариате просвещения РСФСР, который возглавлял Анатолий Луначарский, была учреждена Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности. Это решение и положило начало явлению, широко известному, как ликбез. «Безграмотность – это не просто отсутствие знаний, это тормоз прогресса, препятствие на пути к социализму», – говорил нарком.

Рис. 33. Анатолий Васильевич Луначарский

Анатолий Луначарский разделял ленинский взгляд на роль грамотности в успешном строительстве социализма

По декрету 1919 года грамоте – причем под страхом уголовного наказания – должны были обучиться все не умеющие читать и писать в возрасте от 8 до 50 лет: на пожилых махнули рукой.

«Работа комиссии протекала в чрезвычайно трудных условиях – в условиях общей разрухи, разрухи детской школы, разрухи в области библиотечного дела, издательского дела, – писала позже заместитель наркома просвещения, супруга Ленина Надежда Крупская. – Дело продвигалось медленно. Учителство не было еще окончательно политически завоевано. Не было учета неграмотных, не было учебников, программ, методических установок. Надо было составить букварь, указания, как учить, связаться с местами, с другими организациями и т.д.». Для первых «ликвидаторов» было выпущено пособие, в котором пояснялось, в частности, как им обойтись без бумаги, перьев, чернил и карандашей.

Но основная проблема была не в карандашах, а в острой нехватке участников программы ликбеза – как учителей, так и желающих учиться.

«Наш народ яко дети, которые, неучения ради, никогда за азбуку не примутся», – говорил когда-то Петр Великий. Эти слова довольно точно отражают отношение, с которым приходилось сталкиваться энтузиастам просвещения. Энтузиастов, к слову, тоже не хватало: к концу 1920 года ВЧКл/б – сходство названий комиссии с и грозной организацией Дзержинского подчас играло самостоятельную педагогическую роль – сформировала в 26 губерниях курсы подготовки «ликвидаторов».

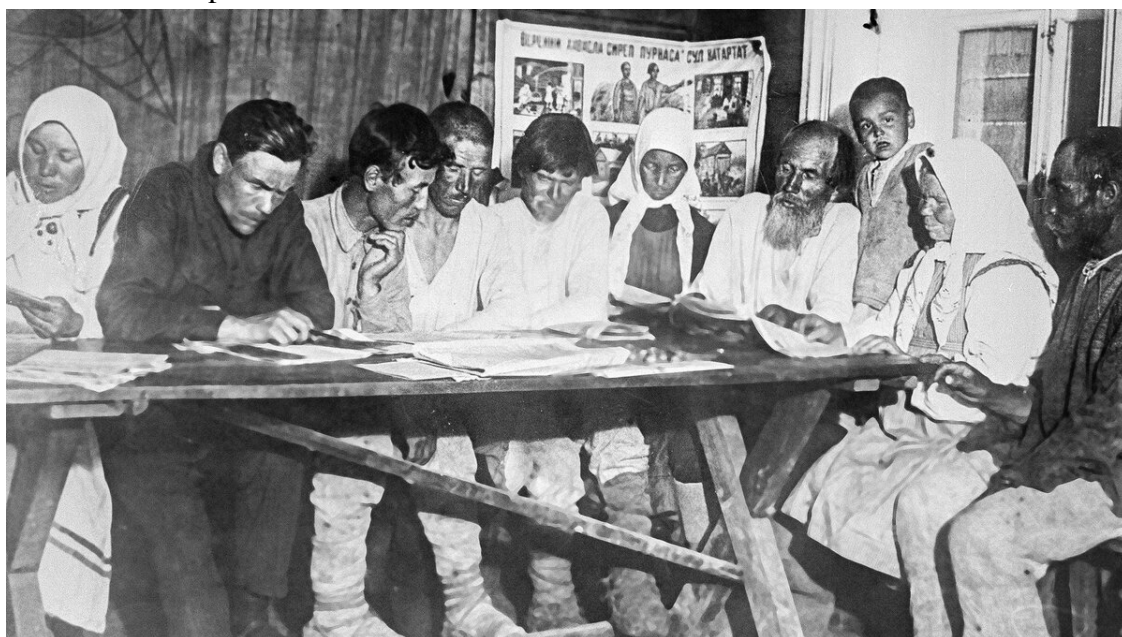

Рис. 34. Пункт ликвидации безграмотности (Ликбез)

На большинстве фотографий эпохи ликбеза лица обучающихся выражают испуганное недоумение: зачем нас сюда притащили?

В каждом населенном пункте, где имелось более полутора десятков зарегистрированных неграмотных, создавался ликвидационный пункт, или ликпункт. Туда обязаны были являться под страхом наказания за уклонение от исполнения советского законодательства все неграмотные – за исключением больных, беременных, кормящих и привлеченных к исполнению общественных повинностей. В перечнях исключений фигурировали также «дефективные» – так обозначались люди с особенностями развития, и ликвидаторам было не до инклюзии.

Несмотря на угрозу наказания, в ликпункты шли неохотно. В некоторых случаях крестьяне жаловались на абсурд – их уже пытались штрафовать за уклонение от ликбеза, хотя под ликпункт даже помещения не успели найти.

Организаторы ликбеза – в первую очередь, Луначарский и Крупская, – довольно быстро осознали, что угрозами и насилием задачу не решить. В 1922 году решили все же определиться с приоритетами и учить грамоте в первую очередь красноармейцев, призывников, рабочих совхозов, членов профсоюзов, комсомольцев, членов сельских коллективных объединений в возрасте от 18 до 30 лет. Учиться в ликпункте полагалось от трех – четырех до семи месяцев, по 6 – 8 часов в день. Речь шла об удвоении рабочего дня, что не могло не смущать и не возмущать работающих. В ответ правительство сократило для обучающихся рабочий день на два часа с сохранением заработной платы.

Кроме ликпунктов, создавались также школы для малограмотных. Учили читать печатный и написанный от руки текст, делать записи. Взрослые и дети с одинаковым старанием выводили на доске мелом или пером на бумаге: «Мы не рабы, рабы не мы» – получившую статус слогана фразу из одного из первых советских букварей.

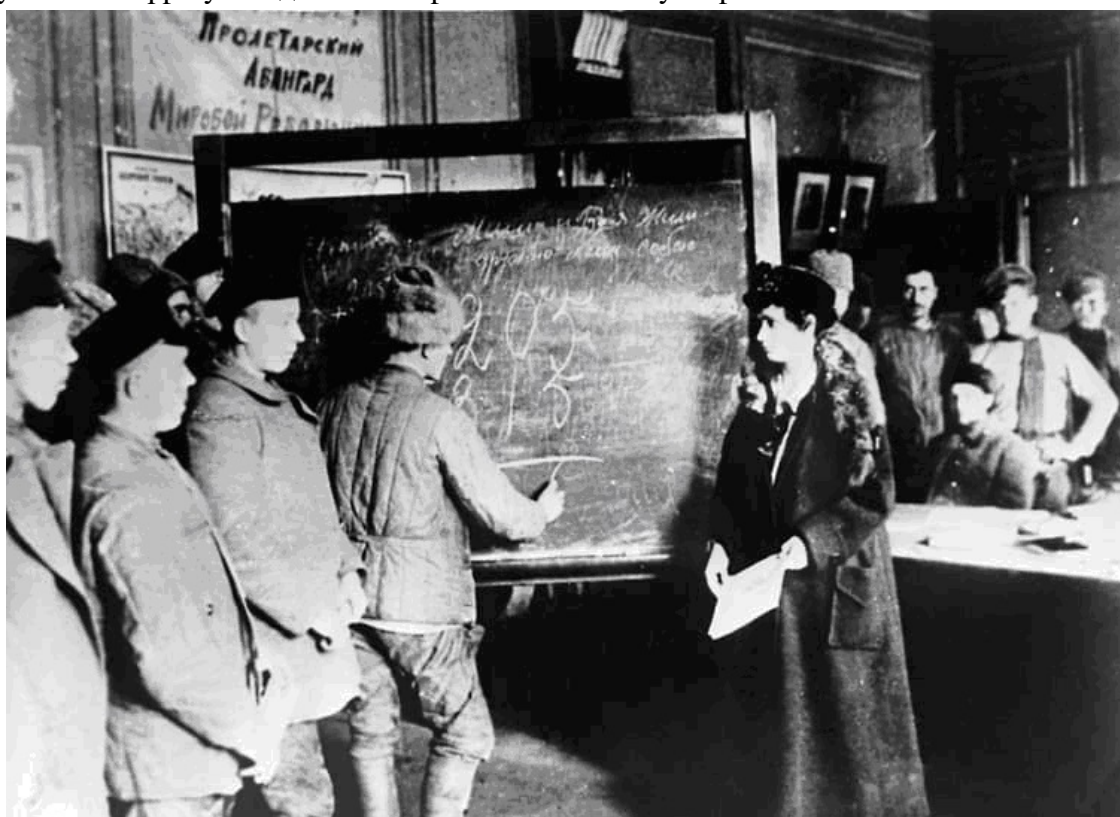

Рис. 35. Обучение счёту

Кроме чтения и письма, учили понимать и записывать целые и дробные числа, проценты, разбираться в диаграммах и схемах и базовых понятиях государства, права и идеологии.

Ленин, уверенный, что всеобщая грамотность увеличит число сочувствующих коммунистической идее, к этому моменту уже тяжело болел. Его взгляды на борьбу с неграмотностью товарищам по партии приходилось излагать Крупской: *«Незадолго до болезни Владимира Ильича я рассказывала ему, что в настоящий момент американцы агитируют за то, чтобы к 1927 г. окончательно ликвидировать у себя безграмотность, – рассказывала она. – В ответ Владимир Ильич сказал: "Надо и нам у нас к тому времени ликвидировать безграмотность". По этому поводу он предполагал дать специально статью, но болезнь помешала ему осуществить это свое намерение».*

В конце 1923 года по настоянию Крупской и Луначарского было создано Всероссийское добровольное общество «Долой неграмотность», председателем которого стал глава ЦИК РСФСР Михаил Калинин.

Общество выпускало буквари, просветительские газеты, журналы, плакаты и листовки, набирало добровольцев для учительской работы в деревне и собирало на все это средства в виде пожертвований. За год в общество вступили 1,6 млн человек, его попечениями было напечатано 5 миллионов букварей.

Рис. 36. Комсомольские активисты на демонстрации

Активисты общества «Долой неграмотность» обращались к разным формам пропаганды своей идеи – а решить проблему в конце концов помогло только обязательное начальное образование

Через несколько дней после смерти Ленина, 29 января 1924 года XI Всероссийский съезд Советов проголосовал за резолюцию «О ликвидации неграмотности среди взрослого населения РСФСР», постановив решить проблему к 1927 году – десятилетию революции. Идеологическая составляющая кампании по ликвидации безграмотности и так была очевидна с самого начала – следовало не просто научить читать, но и правильно понимать прочитанное. А в связи с этим первым «авралом» идеология получила чуть ли не первостепенное значение: в 1925 – 1926 учебном году на ликпунктах стали преподавать политграмоту. «Ликбез – формирование нового человека, способного строить социализм», – считал Луначарский.

Сталин по этому вопросу не слишком расходился в оценках с Лениным: «Ты хочешь сделать передовой свою страну в смысле поднятия ее государственности, – подымай грамотность населения, подымай культуру своей страны, – остальное приложится», – говорил он на одном из совещаний с руководителями союзных республик. «Рабочий класс не может стать настоящим хозяином страны, если он не сумеет выбраться из некультурности, если он не сумеет создать своей собственной интеллигенции, если не овладеет наукой и не сумеет управлять хозяйством на основе науки», – заявил Сталин на VIII съезде ВЛКСМ в 1928 году.

Но на чистой идее и нестигаемом энтузиазме невозможно было «вывезти» решение такой задачи: на ликбез не хватало денег. Интерес людей к обществу «Долой неграмотность» постепенно сходил на нет, идея Крупской собирать со всех грамотных по пяти рублей в год на цели

обучения неграмотных возымела скорее обратный эффект: чтобы уклониться от «взноса», люди стали скрывать свое умение читать и писать.

По подсчетам Крупской, общество «Долой неграмотность» все же помогло с 1923 по 1927 год перевести в категорию грамотных около миллиона человек.

Но работы по-прежнему был непочатый край: *«Исполкомы, увлеченные хозяйственной работой, мало обращали внимания на развертывание сети ликпунктов,— сетовала вдова Ленина. — Деревня жила по-старому, царило мелкое крестьянское хозяйство с его бескультурьем, школа продолжала находиться в тяжелом положении не были подрезаны корни неграмотности, молодое поколение росло неграмотным. Становилось очевидно, что к 10-летию Октября безграмотность не будет ликвидирована».*

Рис. 37. Перепись населения. На фото В.М.Гризодубова

В 1926 году в СССР была проведена первая союзная перепись населения, данные которой можно было сопоставить с данными имперской переписи 1897 года. Это сопоставление дает представление о масштабе проблемы, с которой пытались справиться «ликвидаторы», и о том, что у них на самом деле получилось.

Хотя попытки создать систему пусть не всеобщего, но массового начального обучения в школе предпринимались в России неоднократно начиная с еще допетровских времен, эффект они имели весьма ограниченный. В 1860–70-х годах доля грамотных в губерниях Центральной России составляла от 1,7% в Псковской до 8,6% в Костромской. К 1880-м, с распространением церковно-приходских школ, уровень грамотности почти дорос до 10%. Страна быстро прогрессировала: перепись 1897 года показала, что доля грамотных более чем удвоилась, превысив в среднем 21% населения. Среди мужчин читать мог почти что каждый третий – 29,3%, – среди женщин – значительно меньше – 13,1%.

К 1917 году грамотными были уже почти половина жителей Центральной России, но в среднем по стране читать, писать и считать умели лишь 43% (70,5% в городе, 37% на селе). Лидировали по грамотности городские мужчины – 80%, отставали сельские женщины – только 23%.

К 1926 году этот показатель вырос до 56,6%. Среди сельского населения грамотных стало 50,6%; среди горожан 80,9%. При этом показатели Европейской части несколько отличались в лучшую сторону: в городах здесь осталось лишь около 15% неграмотных в возрасте 18 – 50 лет, но среди сельских жителей той же территории их все еще втрое больше – 44,3%. Отметим, грамотным переписчики признавали всякого, кто был в состоянии хотя бы написать собственные имя и фамилию. Пальму первенства по-прежнему удерживали городские мужчины – 88% грамотных, а в аутсайдерах оставались труженицы села: 35,4%. Как бы то ни было, усилиями «ликвидаторов» к 1927 году в СССР было обучено грамоте около 10 миллионов человек.

Ощущая себя одним из организаторов кампании против неграмотности, Крупская переживала этот результат как неудачу – ведь полностью решить проблему к 1927 году не удалось. На собраниях и съездах, посвященных ликбезу, она без конца сетовала на невнимание властей, нехватку средств, неверно сформированные учебные планы ликпунктов и в конце концов на такое явление, как рецидив неграмотности – в ряде случаев выпускники и особенно выпускницы показывали отличные результаты, безупречно читали, писали без ошибок и излагали прочитанное – но спустя пару лет снова могли только поставить крест вместо подписи.

«Рецидив безграмотности появился потому, что Марфуша, как вышла из школы, больше никакого печатного знака не увидела: газет не читала, книг не читала и занималась только повседневной домашней работой, – сердилась Крупская. – Надо, товарищи, отдать себе отчет, что, как бы прекрасно ни учили на наших ликпунктах, каких бы хороших результатов ни достигали здесь, мы будем иметь много рецидивов, если не будем заботиться о том, чтобы во время обучения приучать учащихся читать газеты, пользоваться библиотекой».

На посту первого заместителя наркомпроса РСФСР Крупская оставалась до своей смерти в феврале 1939. Когда в сентябре 1929 пост главы ведомства покинул ленинский нарком Луначарский, вдова Ленина приветствовала его преемника, Андрея Бубнова (подпольщик, революционер, красный командир, расстрелян в 1938 году, реабилитирован после смерти Сталина): *«Партия поставила на пост наркома просвещения человека, которому вся его предыдущая работа, весь предыдущий опыт борьбы обеспечивали широту партийного кругозора, привычку подходить к делу не формально, а вникая в его суть, умение настойчиво добиваться своей цели, вникать во все мелочи, проверять исполнение».*

Сама Крупская немало сделала для формирования советской школы, но после 1927 года она стала несколько отходить от дел – в том числе и от ликбеза.

Свою роль в этом сыграло, вероятно, и неисполненное постановление 1924 года о полной ликвидации неграмотности к десятилетию революции. Так или иначе, объявленный в 1928 году массовый культпоход против безграмотности проходил уже в сущности без ее участия.

Одним из его вдохновителей был генеральный секретарь ВЛКСМ Александр Косарев (также репрессирован в 1938). К 1930 году в рядах участников культпохода – так называемых «культармейцев» – насчитывалось уже около миллиона человек, а число обучаемых ими на общественных началах было вдесятеро больше.

Борьба с безграмотностью оставалась бы бесконечной кампанией с неясными перспективами, если бы в 1930 году партия и правительство не догадались, по выражению Крупской, «подрезать корни» и ввести «всеобуч» – обязательное начальное обучение для всех детей. Но это не закрыло тему в одночасье.

В 1933 – 1937 годах в ликпунктах и школах для малограмотных все еще учились около 40 миллионов человек. Программы рассчитывались теперь в среднем на 330 учебных часов и длились 10 месяцев в городе и 7 – на селе. Отвечали за процесс ликбеза местные советы.

Ко второй годовщине революции

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.